

Лина Лукина

Год Стрельца

18+

Лина Лукина
Год Стрельца

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Лукина Л.

Год Стрельца / Л. Лукина — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Анна Молчанова, Стрелец по гороскопу, старается жить по звездам. Они с мужем Олегом прожили счастливую, хоть и не всегда гладкую семейную жизнь. В день тридцатилетнего юбилея супружеской жизни они планируют обвенчаться. Перед порогом венчания судьба решает испытать их брак на прочность, посылая серьезные проблемы плотной чередой. Смогут ли они выдержать удары и сохранить семью?

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	16
V	19
VI	23
VII	27
VIII	32
IX	38
X	41
XI	44
XII	50
XIII	54
Конец ознакомительного фрагмента.	59

I

Анна открыла дверь квартиры, тихо вошла, как будто боялась что-то нарушить. Она была дома. Здесь, дома, начиналась другая территория ее жизни – территория покоя и защищенности. Вне дома ее никто не обижал, она сама могла любого поставить на место, но здесь менялось ее мироощущение. Мысли моментально меняли свои векторы. К пятидесяти годам Анна научилась управлять своими мыслями и давать нужный поворот их движения.

Уже в прихожей она попадала в другой мир – мир радующих и приятных вещей, окружавших ее жизнь.

Анна так и не решилась поменять деревянную мебель прихожей на удобный, вместительный и стильный шкаф-купе, потому что ее мебель была, как она считала, авторской. Когда они с мужем после ремонта купили в свою спальню новый гарнитур, встал вопрос, куда девать старый? И тогда Анне в голову пришла мысль реставрировать эту мебель под прихожую, а муж поддержал эту идею. У Олега, несмотря на его занятость, было отличное хобби – создавать уют в квартире своими руками.

Старые шифоньеры спальни Олег разобрал, лишнее отпилит. Верхний слой мебели он снял наждачной бумагой, все, кроме тисненого узора, а затем всю поверхность покрыл несколькими слоями качественного лака. Тумбочки меняли внешний дизайн и достойно начали вторую жизнь в другом важном качестве. На них стояло огромное количество мелочей, среди которых были вазочки, свечи, миниатюрные статуэтки и другие милые домашние обереги.

Любимого кота Анна не относила к числу таких вещей, но обожала его настолько, насколько вообще можно любить животных – и он отвечал ей взаимностью. Не было такого дня, чтобы он не встретил ее на пороге, сразу же начиная тереться о ножку кухонного стола и кувыраться. Это означало большую кошачью радость от возвращения хозяйки домой. Даже если кота кормили пять минут назад, Анна должна была положить что-то вкусенькое в его тарелку – рыбу или куриную печень. Сухой корм для любимого кота в принципе не допускался. Только после этого хозяйке можно было заняться своими личными делами, в противном случае, он будет ходить бы за ней по пятам, даже в ванную комнату.

Ноги меняли сапоги на мягкие, удобные тапочки. Для Анны они значились первым атрибутом домашней обстановки, с одной стороны, и изменением социального статуса, с другой. В тапочках она чувствовала себя по-домашнему, расслабленно, а обувь на каблуках меняла даже ее осанку и взгляд. Хотя Анна давно уже отказалась от «шпильки», обувь на каблуке считала одним из первых признаков женского начала. Ее комнатные тапочки старались не уступать стильной обуви и выглядели всегда нарядно, но не вычурно.

Анна недоумевала, почему в фильмах, особенно американских, очень часто герои, входя в свою квартиру, не разуваются и сразу могут упасть прямо на диван. Вероятно, думала она, у продюсеров существуют какие-то определенные эстетические нормы на предмет того, что в носках или с голыми пятками голливудские красавцы и красавицы выглядят менее привлекательно.

Анна заглянула в комнату дочери. Алена спала. После посещения футбольного матча знаменитой команды она сильно заболела. На открытом стадионе была минусовая температура, а они с Ильей пытались согреться горячим кофе. Бронхит такие вещи не прощает и быстренько атакует грудную клетку. Алена вызвала врача и осталась дома.

В сумке напомнил о себе мобильный телефон. Анна взглянула на экран – звонила подруга.

– Анечка, ты где? – прозвучал приятный голос Ларисы.

– Дома, только вошла.

– Тогда я не буду тебя долго задерживать. Твою просьбу я выполнила – столик заказала. На днях ты можешь заехать и окончательно решить вопрос с заказом меню, – отчиталась подруга.

– Милая моя, я тебе так благодарна! Огромное спасибо! Все остальное без изменений. Без изменений оставалось празднование дня рождения Анны.

К дате своего рождения у Анны было неоднозначное отношение. Ей не нравился календарный день двадцать пятого ноября, даже несмотря на то, что осень Анна выбрала любимым временем года. Причины для этого были самые очевидные.

Ноябрь считается самым депрессивным и мрачным месяцем года: осень заканчивается, а зима еще не начинается. Дни становятся все короче и короче, солнечного света все меньше и меньше. Деревья давно сбросили листья, увели жизненные соки глубоко в корни, чтобы сберечь себя от гибели на случай сильных морозов. Певчие птицы давно улетели, остались только бесталанные, но верные. На этот месяц года природа подобрала для себя спокойную черно-белую цветовую гамму. От такого сочетания природных явлений меняло свои цвета и настроение, подчиняясь тем же природным законам. Радовало другое обстоятельство – по гороскопу Анна была Стрельцом, а для женщины этот знак она находила замечательным. Интересно, что гороскоп ее не обманывал, а она старалась соответствовать ему. Такая звездная гармония ей почти удавалась.

Муж был в очередной командировке. Большой бизнес всегда отнимает большую часть жизненного времени. Не оставляя телефона, Анна соединилась с ним:

– Привет! Как дела? – о делах она спрашивала буквально пару часов назад и, по всей вероятности, кардинально они не могли измениться. Эта привычка или необъяснимая тревога осталась с ней после одной заграничной командировки в Грецию в лихие девяностые годы, куда Олег поехал заключать контракт на поставку продовольственных товаров. В то время продовольственная тема была актуальнее любой политики.

Олег планировал поехать на неделю, а вернулся только через полтора месяца. Ничего не предвещало беды, все шло по отработанному сценарию: деньги за товар были переведены на счет поставщика еще до отъезда. По прибытию оставалось завершить юридические формальности и отправить груз, который должен был прибыть морем. Но оформление документов сначала затянулось на неделю – в оправдание шли срывы договорных обязательств с фирмами-производителями товара. Потом пошла вторая неделя, и тоже безрезультатная. На третьей неделе Олегу как юристу стало понятно: его хотят, попросту говоря, «кинуть». И, главное, что человек, который был связующим звеном с иностранцами, начал меняться в своем поведении на глазах. Залогом всей этой ситуации стала огромная сумма денег в долларовом эквиваленте, часть которой была доверена Олегу партнерами по бизнесу. Ситуация принимала неожиданный и опасный оборот.

Олег в разговорах с Анной по телефону старался не подавать вида, что у него серьезные проблемы, с которыми справиться будет нелегко, если вообще возможно. Но Анна, как и любая женщина, интуитивно чувствовала опасность, а от того, что муж пытался сглаживать и не заострять некоторые моменты в разговорах, что-то не договаривал, ей становилось еще хуже. Каждый новый день усугублял положение:

Анна с ужасом представляла ситуацию, когда муж останется совершенно без денег. На продуктах можно было сэкономить, но чем платить за гостиницу? Остаться выброшенным на улице в чужой стране? Быть полуголодным? Как добираться домой, если на все плюнуть и на деньгах поставить крест? Как рассчитываться с людьми, каждый из которых вложил свою определенную долю в товар? Товара-то нет. Как выбраться из этой ямы? Как? День начинался с этого вопроса – этим он и заканчивался. На просьбы Анны все бросить и уехать Олег спокойным, но уставшим голосом отвечал:

– Я не приеду, пока не вернут деньги или пока не отправят товар, иначе, я не смогу людям смотреть в глаза.

– Очень прошу тебя, приезжай. Неужели все в этом мире держится на деньгах, – умоляла Анна, но знала, что дело-то не в деньгах, а в том, что все происходящее для Олега было просто недопустимо.

Время шло. Один день сменял другой. Анна отправляла детей в школу, встречала свежим обедом, учила вместе с ними уроки и спокойно укладывала спать.

Ночью, в спальне, она оставалась одна на один со своей большой бедой. Слезы прятала в подушке, а мысли и чувства улетали далеко в Грецию, к любимому человеку. Родные успокаивали ее, как могли, но помочь не мог никто.

Одна из приятельниц, которая и звонила-то один раз в месяц, теперь названивала каждый день, стараясь проявить свое искреннее участие:

– Ты держись, – повторяла она, – все будет хорошо, все уладится, не думай о плохом. А то, как случится что – одной в наше время так страшно остаться. Детей ведь надо поднимать.

После такого участия хотелось выть, как раненый зверь, но Анна находила в себе силы достойно отвечать:

– Я об этом даже не думаю.

Но именно эти мысли полностью парализовывали мозг. Следующей «успокоительной» таблеткой был другой разговор:

– Как дела у Олега? Ты знаешь, в такой ситуации очень опасно быть за границей. Как подбросят ему коллеги по бизнесу наркотики, тогда тюрьмы ему не избежать.

Против таких соблазнов Анна пыталась искать противовес в своем сердце:

– Ну, нет – уж этого точно не будет, – решительно уговаривала она себя, но другой голос, предательски слабенький, подкашивал ее, как траву острая коса – но ведь с ним действительно могут сделать все, что угодно. Неужели может случиться такое, что я его больше не увижу?

Анна хваталась за воспоминания, как за спасательную соломинку.

Во время свадебной церемонии, когда ей в руки подали свидетельство о браке, первое, на что она обратила свое внимание, так это на его регистрационный номер – 2525. Она громко произнесла номер свидетельства всем присутствующим и добавила, что вместе с Олегом они проживут пятьдесят лет. В тот год они отпраздновали всего лишь 15-летний юбилей. Эта спасительная мысль стала мостиком к другому берегу развития событий. Внутренний протест сам вырабатывал душевные антитела и помогал строить какие-то планы, искать выход из сложившегося положения.

– Надо думать, где брать деньги. Олег приедет, обязательно приедет, но будет весь в долгах. Первое, что придется сделать, это заложить все золото. Второе, надо искать работу. Третье, помогут материально и родные – в этом я не сомневаюсь. Четвертое... пятое... шестое..., – Анна спасала и себя, и мужа позитивными мыслями, своим неженским умением анализировать ситуацию, своей любовью и огромным желанием выбраться из этой ямы достойно и с наименьшими потерями.

Прошел месяц. Олег звонил уже реже – денег оставалось совсем немного. Анна сама заказывала Грецию и разговаривала с ним по телефону, что был в номере гостиницы. Такие разговоры приходились на время после полуночи, когда стоимость международных услуг связи была минимальной. Теперь уже и ночи сливались с днями в сплошное адское ожидание.

– Я тебя буду любить и без денег, – каждое слово Анны было пропитано любовью и нежностью.

– Нищим я никогда не буду, но и приеду, только решив все вопросы. Как дети? А погода? В квартире уже тепло? – Олег держался, отвлекал жену от скверных мыслей, и к тому времени он уже знал, как будет дальше действовать.

Развязкой этой постановки стало нелегкое решение Олега идти в полицию и рассказать о происходящем произволе, перед этим предупредив собратьев по бизнесу о своих намерениях. Это было очень смело и рискованно, но, как бы там ни было, в течение двух дней были оформлены и подписаны все соответствующие документы. Олег уехал домой. Только когда он позвонил Анне и сказал, что находится в Софии на вокзале, и через два часа отправляется его поезд на Киев, Анна почувствовала, что натянутые вожжи судьба отпускает...

Звуки мобильного звонка вернули Анну в действительность. На экране телефона появилась фотография сына:

– Мамочка, привет! – иначе сын к ней давно уже не обращался.

– Привет, сына! Что голос такой невеселый? Случилось что?

– Как бы тебе сказать и не нарушить твой мир, – Денис уже понял, что мама готова слушать все, что он хочет сказать.

– Говори, как есть, – Анна почувствовала тему разговора.

– Настя была в больнице, ее беременность подтвердили, но она собирается делать аборт, и я уже устал с этим бороться. Мы живем сейчас в состоянии войны, а в таком настроении ехать к тебе на день рождения мы просто не имеем права. Но ты не волнуйся – мы встретимся в Новый год. К этому времени, я надеюсь, военные действия перейдут в состояние здравого смысла, а ты получишь подарков в два раза больше, – Денис начал уже шутить, а для Анны это означало, что все не так страшно.

– Сыночек, о подарках я думаю меньше всего. Передай Насте, что взять на себя грех избавления от ребенка, тем более первого, будет тяжелее, чем она думает. Она знает, о чем я говорю. И я уверена, что она меня поймет, – сказала Анна, но в душе зашевелился червячок сомнения, который она постаралась сразу заглушить, пока сын не догадался.

II

Разговор с сыном закончился, и Анна заставила себя переключиться на другую волну, войдя на кухню.

Анна вошла на кухню, чтобы что-то соорудить на ужин. На ужин можно было приготовить только что-то овощное. Была среда – день без мяса, вегетарианский. Каждый день у нее был «без чего – то». В понедельник она отказывалась от конфет и сладкого, во вторник – не ела жареного и жирного, в среду – мяса, четверг был днем без соли, пятница – без белков вообще, суббота – без булочек и печенья, а в воскресенье она позволяла себе многое.

Этот стиль питания она придумала сама, изрядно помучившись то диетами всех стран и народов, то подсчетом калорий, то разгрузочными днями на яблоках и минеральной воде. Из всех способов поддержания фигуры в надлежащей форме она выносила горькие уроки.

Анна начинала худеть, выбрав с самого начала русскую диету. Позже, перепробовав диеты других дружественных народов, она перешла на диеты стран дальнего и очень дальнего зарубежья. В этот период, когда находка новой и самой эффективной диеты стала смыслом ее жизни, Олег называл свою жену не иначе, как мама Мисс – Интердиета, на что она совершенно не злилась, а даже порой подыгрывала. Кульминацией всего этого действия стала южно-азиатская диета, которая понравилась Анне, если бы не один колоритный ингредиент – кузнечики. На этом первый этап ее экспериментов закончился. Больше диеты Анну не интересовали, она вспоминала о них, только когда подруги интересовались ее опытом.

Метод похудения путем подсчета калорий чуть не привел ее к нервному срыву: каждое принятие пищи начиналось со взвешивания продуктов, затем умножения на количество калорий, суммарного их подсчитывания и дальнейшего вычитания из общей сетки дневного калоража. Если приходилось есть вне дома, в гостях, кафе или ресторане, то этот процесс затруднялся мучительным приблизительным взвешиванием и математическими действиями в уме, на что уходило определенное время. Иногда от этого портился аппетит и, соответственно, настроение. Хуже всего было то, что, приходя домой с работы голодной, Анна постоянно ловила себя на вопросе. Почему нормальные люди спокойно садятся за стол и так же спокойно ужинают или обедают, когда она должна перед этим совершить массу математических вычислений, а в случае перебора калорий за день, еще и отказаться от чего-то?

Нервозность нарастала, а вместе с ней и потребность в сладком, что совершенно четко подтверждалось высказываниями специалистов на этот счет. Логика всего этого мероприятия таяла, как мартовская сосулька, и с последней ее каплей Анна со спокойной душой простилась с этой затеей.

На яблочно-минеральной разгрузке она продержалась недолго. Целлюлит на жестокие попытки его уничтожения не реагировал, наличие его упрямо не снижалось, безжалостно понижалось только артериальное давление. В конце концов, Анна пришла к своему личному, выстраданному способу питания. Она нашла его очень удобным, щадящим и необременительным. К этим достоинствам прибавлялось и то, что вес держался, иногда с изменениями в сторону снижения, что полностью Анну устраивало.

На кухне Анна быстро нарезала салат из вареной свеклы, добавила туда квашеной капусты и тертое сладкое яблоко, пока картошка в мундире крутилась в микроволновке. Готовая картошечка вызвала улыбку – Анна вспомнила рассказ одной приятельницы, побывавшей у родственников в Соединенных Штатах в конце прошлого века.

В заокеанской стране их пригласили в гости друзья – американцы, которые тоже, как оказалось, едят картошку в том самом мундире. После ужина наши соотечественники обнаружили, что тарелки у собравшихся гостей были без каких-бы то ни было остатков, и лишь в их тарелках лежали картофельные мундирчики. В Америке принято есть картошку, не очи-

щая от одежды. Чтобы не глотать картофельную кожуру, пришлось быстренько соображать, как выкручиваться. Аварийный выход был найден – картофельные очистки перебрались в карманы брюк мужа приятельницы.

Запах печеной картошки привел на кухню Алену. Алена, высокая статная девушка, с темными длинными тяжелыми волосами и покрасневшими опухшими глазами выглядела беззащитным ребенком.

– Привет! – только и успела она сказать, как сухой терзающий кашель овладел всем ее слабым существом.

– Привет, доченька! Присаживайся, буду кормить тебя крестьянской едой, а потом поить целебным чаем. Не думала, что мой листовенный сбор пригодится уже в ноябре.

Алена присоединилась к подготовке ужина, только на свою тарелку она добавила несколько кусочков колбасы. Очищенную картошку сдобрили сливочным маслом и посыпали мелко нарезанным чесноком.

После ужина Анна поставила грязные тарелки в раковину и тяжело вздохнула:

– На все хватает времени, только не на свою квартиру. Ален, давай в следующую субботу, как ты выздоровеешь, затеем большую генеральную уборку. Когда мы в последний раз гардины стирали и ковры мыли? Давай хотя бы раз в полгода почувствуем себя хозяйками. Представляешь, у нас будет идеальный порядок!

– Не представляю, – тихо ответила Алена, – через неделю у нас региональный конкурс, а у нас с Юркой стандарт не отработан. Теперь этот кашель! Придется каждый день до девяти ноги бить. Мам, ну, папа ж предлагал тебе найти женщину, чтобы та убиралась, хотя бы по-крупному. Пылесосом я управлять не разучилась, и посуду помою, но на остальное времени нет. Ты вообще скоро домой только ночевать приходишь будешь.

– Нет, – резко ответила Анна, – в свой дом так близко я допущу только невестку и зятя. Мне хватит чужого горького опыта. Глубоко порядочную женщину сейчас трудно найти. Да я и в мыслях допустить не могу, чтобы чужая женщина приближалась к моей кровати или трогала мои вещи.

Анна брезгливо замахала руками. Она достала из шкафа стеклянные банки с травами.

– Ты, как кошка, которая никого не пускает на свою территорию, – засмеялась Алена.

– И от зависти я устала. Вспомни мою племянницу. Она две недели гостила, а выкарабкались мы из болезней целый месяц. От нее только и слышалось «ох!» да «ах!». У них того нет, у них сего нет, а у нас дворец и полные шифоньеры!

– Мама, но это же могло быть простым совпадением.

– Таких совпадений не бывает! У тебя почки схватили – две недели кололи тебя. У меня желудок остановился. Даже кот – и тот заболел. Тебя я хоть сама колола, а к Тоше врач каждый день на такси ездил. Нет! Этот вариант даже не рассматривается.

Запищал чайник. Лечебный чай Анна решила пить вместе с Аленой. Он получился ароматным и напомнил запахи лета. В чашках под крутым кипятком дружно запаривались листочки дачных кустов черной смородины и малины, липовые соцветия из деревни, листики мать-и-мачехи, земляники и крапивы, которые Анна с Олегом собирали в лесу далеко за городом. Все это зеленое ассорти Анна заправила пахучим янтарным медом.

Из кухни вечер перебрался в гостиную. Анна включила в комнате свет и непроизвольно всплеснула руками:

– Какие божественные розы! Алена, откуда цветы? – огромный букет белых роз стоял в вазе, как вызов природной ноябрьской безликости. Какое-то время Анна стояла в дверях комнаты, любуясь этим цветочным совершенством.

– А-а, Илья привез, – небрежно бросила в ответ Алена, но Анне стало понятно, что за этим просто стоит защитная реакция от дальнейших расспросов. Но она все-таки поинтересовалась:

– У нас есть повод?

– Ну, я же болею, – из уст Алены это прозвучало так, как будто совершенно очевидным является тот факт, что девушкам во время их болезни молодые люди, ухаживающие за ними, должны привозить огромные букеты белых роз.

Анна тихонько сфотографировала вазу с цветами, и телефон оставил в себе этот дивный снимок. Она решила показать мужу букет, который очаровал ее, как когда-то очаровали первые цветы, подаренные ей Олегом в пятнадцать лет. Это был маленький букет нежных лесных тюльпанов – их Олег сам собирал в лесу. Несколько из тех цветочков Анна засушила в большой маминой книге «Полезные советы». Засушивать розы Анна не собиралась, поэтому сохранила их на снимке, чтобы, со свойственной ей сентиментальностью, когда-то показывать своим внукам, какими были первые цветы, подаренные их будущим папой будущей маме.

III

Утро Анна давно уже начинала без будильника. Она считала это хорошей привычкой – звонок будильника приводил организм в состояние нервного возбуждения, которое могло стать хорошей средой для перерастания маленького утреннего стресса в большой дневной.

Каждое утро буднего дня ничем не отличалось от предыдущего. Анна, кормила своего любимого кота, бежавшего на кухню впереди ее, настойчиво мяукая с подтекстом, что успел уже проголодаться. Затем она становилась на весы, скорее по привычке, уже без интереса, потому что последний десяток лет ее вес кардинально не менялся. Затем она делала свой неизменный «калланетик» и варила кофе.

Банальный вопрос большей части женщин – что сегодня надеть – Анну не мучил с тех пор, как она решила его для себя раз и навсегда. Планирование своей работы перешло в образ ее жизни и уже распространялось на то, как она одевалась. Что она будет одевать утром следующего дня, было запланировано на пару недель вперед.

Строчки специального ежедневника Анны с постоянной периодичностью заполнялись уникальным расписанием, прямо как в школьном дневнике: уроки на понедельник, на вторник, на среду и так далее.

Одежду и аксессуары она расписывала по дням, вплоть до оправы очков, не говоря о драгоценных украшениях или изысканной бижутерии. В число предметов особенного расписания входили галстуки, платки, шарфики, шали, палантины. Обувь и сумки шли особняком, но строго подчинялись общим правилам элегантности.

Элегантность, как известно, тяжелый крест. К такому выводу Анна пришла, когда поняла, что красивой быть намного легче, чем оставаться элегантной. Красота и элегантность для нее были понятия совершенно неоднозначные. Красивых, обеспеченных женщин Анна замечала все больше и больше, но прямой зависимости с элегантностью при этом не наблюдала. Не каждой женщине по плечу покориться ярму своей элегантности, сделать ее стержнем своего бытия и с достоинством выносить ее гнет вкупе с нарядами и драгоценностями. Однажды подняв планку своего образа, Анне не представлялось возможным ее опустить, иначе она потеряла бы часть себя.

В процессе своего утреннего облачения Анна выискивала удовольствие: в зеркале старалась видеть отдохнувшую женщину, которая своим внешним видом могла радовать и себя, и окружающих. Будучи еще совсем юной женщиной, она усвоила такое правило: в том, как ты выглядишь, проявляется твое отношение к окружающим людям. Если ты уважаешь людей, то не позволишь себе разочаровать их своей непривлекательностью.

Фаворитом делового гардероба Анны всегда оставался костюм – жакет с юбкой или жакет с брюками. Менялись блузы, водолазки, жилеты, аксессуары. Менялась мода, но стиль выдерживался, стиль был вне моды, он был выше ее. Сестра Анны, Лиза, женщина интересная во всех отношениях, предпочитающая гламурно-спортивный стиль, не понимала и не приветствовала ее строгие костюмы, а вкус Анны считала слишком консервативным.

– Как это скучно – ходить в костюмах! – так или иначе аккуратно протягивала Лиза, чтобы не обидеть сестру, когда та показывала очередную покупку, – в них нет изюминки, костюм давит женское начало.

– О вкусах не спорят, – не спорила Анна, но знала, как сексуально выглядит серьезная деловая женщина в костюме. Это она видела в глазах мужчин, видела в зеркале, когда узкая юбка обволакивала ее фигуру, а жакет выгодно подчеркивал талию, когда вырез блузы лишь скрывал грудь, но мужской глаз вылавливал скрытые места, а мужское безграничное воображение дорисовывало то, что скрывалось под воротником жакета.

Анна в своем возрасте уже не любила и не носила короткие юбки. Кроме того, она сочувствовала одной из своих подруг, которая уменьшала длину своей юбки или платья в зависимости от увеличения прожитых лет. Сказать прямо об этом подруге она не решалась, корректные намеки не расшифровывались, но как нелепо выглядела немолодая женщина, одетая по-юношески броско и фривольно. Что касается юбок, то тут Анна делала ход конем – она носила юбки не короткие, но с умеренными разрезами, которые при ходьбе деликатно обнажали ее стройные ноги и мужские головы поворачивались за ней, как подсолнухи за солнцем.

Этим утром на Анне был серый костюм с юбкой, зауженной книзу, и розовая блуза. Под воротник жакета она пустила легкий шарф в тоне чуть ярче блузы.

Была пятница. В западных фирмах по пятницам работники позволяют себе по случаю конца недели надеть джинсы и свитер. Однажды в таком виде Анна пришла на всеобщий субботник.

– Анна Андреевна, я вас в джинсах никогда не видела! – удивилась сотрудница бухгалтерии. «Как будто я в бикини на работе появилась», – подумала Анна. Вслух свою мысль она мягко перефразировала:

– Я как-то не представила себя в костюме с метлой.

Секретарь встретила Анну, как всегда, улыбкой. Марина не опаздывала, в приемную управления входила раньше своего начальника, поэтому иногда ей позволяли уходить раньше начальника. Такой стиль работы она почувствовала в атмосфере офиса, когда только пришла на собеседование.

– Доброе утро, Анна Андреевна, – проворковала Марина.

– Доброе, – взаимно улыбнулась Анна. Какое бы настроение ни заполняло ее душевное пространство, как бы она себя ни чувствовала, приветствовала всех приятной улыбкой на лице. Как бы напряженным ни обещал быть рабочий день, он должен был для Анны начинаться с улыбки.

– Можно мне почту и вчерашние подборки? Еще подготовьте мне, пожалуйста, всю переписку с рекламным агентством и перезвоните по поводу факса из «Витязя», который мы вчера так и не получили, – попросила Анна секретаря.

– Сейчас все подготовлю и занесу в кабинет, – отрапортовала Марина.

Анна с огромной симпатией относилась к своему секретарю, ей нравилось в Марине непреодолимое желание радоваться жизни в любых ее проявлениях. Во всех жизненных неприятностях она искала положительные моменты, даже пасмурная и тоскливая погода не могла ей испортить настроение. Все было наоборот – в дождь и непогоду Марина становилась в оппозицию природным капризам и старалась выглядеть особенно заметно.

Ее пиджак цвета морской волны на фоне белой блузы подчеркивал яркость крупной бирюзы в ушах и на шее. Светлые густые волосы были собраны в конский хвост и затянуты тонким платком под цвет камней – его кончики свисали, как ленточки на шляпке, и кокетливо порхали бабочкой при каждом движении головы. Нежная коралловая губная помада разбавляла это бирюзовое великолепие, придавая лицу особенную свежесть.

– Как твой малыш, уже лучше? – поинтересовалась Анна, зная, что у Марины заболел ребенок, а она не взяла больничный лист, потому что подходил конец месяца, и, как всегда, намечалась запарка.

Анна чувствовала это уважительное к себе отношение, и при случае, всегда шла навстречу своим подчиненным. Она стала начальником управления по связям с общественностью в департаменте руководства три года назад и, по сути, была лицом компании.

Много лет назад, живя в провинциальном городке, еще школьницей, Анна мечтала стать актрисой. И не просто мечтала – делала все возможное и невозможное, чтобы приблизить свою мечту.

Она играла в школьной драматической студии – постигала науку актерского мастерства местного масштаба. На своем уровне она даже достигла определенных успехов. В монолог матери, потерявшей на войне единственного сына, из спектакля, посвященного празднованию великой Победы, Анна вложила столько чувств и эмоций, что учителя на концерте не могли сдерживать слез. В спектакле по Грибоедову “Горе от ума” она играла Софью, а когда юная актриса еще и запела в мюзикле, то зрители просто рукоплескали – она и это может!

Дома постепенно накапливалась коллекция открыток-фотографий киноактеров и открыток с кадрами из фильмов – тогда они продавались в любом киоске «Союзпечать». Все родственники, знавшие об Анином пристрастии к кино, покупали ей такие открытки и присылали в конвертах из разных городов. Папа выписывал для дочери журналы «Советский экран» и «Новини кіноекрану». Анна читала эти журналы и видела себя в разных образах на страницах киноэкранный прессы.

Будучи в девятом классе, она написала в редакцию «Советского экрана» письмо с просьбой напечатать на страницах журнала адреса вузов, которые готовят актеров. Ее просьба через какое-то время была выполнена. Из трех предложенных городов она выбрала Москву, ВГИК. Чтобы поступить во Всесоюзный государственный институт кинематографии, Анна занималась весь десятый класс с репетиторами по русскому языку и литературе, а также по истории. Голос у нее был хорошо поставлен, с дикцией проблем тоже не было, но на первом же туре она провалилась. Видимо, природная скромность не позволила полностью раскрыться ее творческой натуре.

Анна решила не сдаваться и уехала из Москвы с твердым намерением вернуться поступать на будущий год. Но за год многое изменилось. Она повзрослела, повзрослели и отношения с Олегом – их чувства окрепли. Олег к тому времени учился в институте, и уезжать от него далеко Анна уже не могла. Ей не пришлось выбирать между Олегом и артистической карьерой, о которой так долго мечтала. Олег своей любовью заполнил все ее душевное существо.

После приезда из Москвы Анна пошла навестить любимую учительницу, которая болела, и та окончательно убедила ее в том, что столица – не для нее.

– Аня, где-то в душе я даже рада, что ты не поступила, – говорила Лариса Леонидовна, разливая чай в чашки старинного сервиза, – Москва – сильный город, город – вамп, не все там приживаются, а если приживаются, то таким людям приходится меняться. Жизнь в столице заставляет локтями расталкивать рядом идущих, топтать неудобных, бороться за свое место под солнцем.

– Но вы ведь тоже боролись всю жизнь за свое место в этом мире и не сломались, – Анна знала многое из прошлой жизни этой женщины, родившейся в семье эмигрантов, высланных из России во Францию после революции.

– Не столько мы, сколько наши родители, а они были замешаны из теста своего времени, – ответила Лариса Леонидовна. В ее голосе и движении ухоженных рук Анна очередной раз заметила невидимую связь с ушедшей эпохой.

Каждый раз, беседуя со своей учительницей, Анна чувствовала необыкновенную энергетику, исходящую от нее. В ней, как казалось девушке, была воплощена живая история. Анна готова была часами слушать рассказы Ларисы Леонидовны об обучении ее матери в Смольном, в пансионе благородных девиц, о том, как ее родители жили в Питере и о том, как питерских интеллектуалов заставили покинуть Россию. Эти рассказы уносили мечтательную Анну во времена начала века. Порой она ощущала себя современницей героев и даже где-то жалела, что родилась так поздно и не застала общества истинных аристократов.

– А мы из другого теста? Мы слабее, да? – спросила Анна, боясь разочароваться в себе и в своем поколении.

– Нет, не совсем так, как ты думаешь. Тогда было суровое время, и оно воспитывало людей с твердым характером и сильной волей – настолько сильной, что любые испытания были

им под силу. Свои стойкие убеждения они впитывали с молоком матери и проносили их через всю жизнь, не меняя их и не изменяя им, – говорила Лариса Леонидовна и заметно преображалась. Она светилась гордостью за своих родителей, которым пришлось сполна хлебнуть горя, но это не помешало им сохранить свое человеческое и гражданское достоинство.

– Сегодняшняя молодежь, – продолжала она, – прекрасная, но вы продукты своего времени. Вы в меру избалованы, в меру трудолюбивы, в меру окрыленные своими идеалами. В вас нет фанатизма.

– Это хорошо или плохо? – быстро спросила Анна.

– Это нормально. Вы нормальные дети нормальной страны. Что же касается тебя, то, как мне кажется, сама судьба уберегла тебя от кровавого окружения, – голос Ларисы Леонидовны становился по-матерински мягким и успокаивающим.

– Но ведь многие уезжают в столицу, поступают учиться, а затем остаются там жить и работать, – не сдавалась Анна.

– Ты очень тонкая и ранимая, даже слишком чувствительная. Для актрисы это, может быть, и важно, но уж больно ты хрустальная, бережно с тобой нужно обращаться, а в столице сильно не церемонятся. Я думаю, что Олег тоже порадуетя твоему провалу. Время покажет настоящую ценность происходящего. Раньше я не могла тебе этого сказать, боясь разрушить ореол твоей мечты, но видно момент истины настал, – учительница по-доброму рассмеялась. – Пойдем, я еще чайку поставлю.

– Спасибо, Лариса Леонидовна. До прихода к вам я в чем-то еще сомневалась, но ваши слова меня окончательно убедили в том, что все не так плохо.

Какое-то время чувство потери, крушение надежд и горечь от несбыточности мечты еще возвращались к Анне. Она спрашивала себя: «А правильно ли я делаю? Неужели можно так быстро сдать и предать свою мечту?» Но когда она думала об Олеге, все становилось на свои места.

Тогда-то она и решила для себя: «Не удалось блистать на экране – значит надо научиться блистать в самой жизни». К этому она шла долгие годы, и ее стремлению к постоянному совершенству могла позавидовать даже самая успешная женщина.

IV

Анна вошла в свой кабинет, разделась, села за стол и огляделась вокруг. Деловое пространство располагало к работе. Ничего лишнего в кабинете не было – ни убрать и ни добавить, все органично дополняло друг друга. На рабочем столе справа стояли подставка для ручек и карандашей, часы и конус. Они были сделаны из оникса. Анна называла оникс солнечным камнем. Рамочка с семейной фотографией и ваза были из того же камня.

Каждый раз, бывая в Крыму, Анна с Олегом привозили оттуда какую-нибудь вещицу из оникса. Теперь у каждого из них в офисе на столе собралась мини коллекция. Она напоминала о южном солнечном лете и грела душу, спасая от эмоциональных перегрузок или просто плохой погоды.

В окно заглядывали голые ветки деревьев и грустно приветствовали под натиском сильного ноябрьского ветра. «Что-то этот ветер надует», – подумала Анна.

В вазе на столе стояли живые цветы. Их по просьбе Анны покупала одна женщина из технического персонала, которая убирала в ее кабинете. Она по дороге на работу проходила мимо цветочного рынка, покупала цветы и до прихода Анны ставила в вазу свежий букетик.

Рабочий кабинет Анны в холодное время года называли зимним, а летом – летним садом. Анна не представляла свой кабинет без растений. Сказать, что Анна увлекалась цветами – значит ничего не сказать. Цветы окружали ее везде, она черпала из них энергию. Она с ними разговаривала. Казалось, цветы ее слышали и, может даже, кивали в ответ. Между ними возникала особенная связь. Глядя на цветы, Анна успокаивалась и отдыхала. Цветы, как и ее любимый кот Тоша, были ее большими друзьями, верными и искренними, и на ее заботу отвечали тем же.

Сегодня на столе у Анны стояли гвоздики, белые с розовыми крапинками.

В кабинет вошла Марина:

– Анна Андреевна, я подготовила документы, которые вы просили, и хочу напомнить, что в одиннадцать часов у вас оперативное совещание у президента.

– Спасибо, Марина, – секретарь выполняла поручения быстро и грамотно.

Зазвонил мобильный телефон:

– Марина, извини. Да, я слушаю.

– Анна Андреевна, я звоню из офиса Ковалева, – один из сотрудников выполнял поручение Анны, – тут складывается такая ситуация, ну, получается, она не складывается.

– Артем, я послала именно тебя к Грибулину, зная, что только ты сможешь сложить эту ситуацию. Думай, это у тебя хорошо получается. Потом перезвонишь.

Анна отключилась и снова посмотрела на Марину.

– Тут Надежда Федоровна пришла, хочет на минутку к вам зайти, вы разрешите?

– Конечно, пусть войдет, – улыбнулась Анна, догадываясь, о чем пойдет речь.

– Здравствуйте, Анна Андреевна. Вы извините за беспокойство, но мучаюсь, думаю, приду – доложу, а потом пойду дальше спокойно работать. Не было сегодня ваших любимых хризантем, пришлось купить гвоздики, но уж выбирала, которые вам нравятся, – пожимая плечами, оправдывалась женщина.

– Голубушка, Надежда Федоровна, я вам уже сколько раз говорила – не переживайте по этому поводу. Вы же знаете, я люблю любые цветы, кроме того, вы заботитесь обо мне, а это вдвойне приятно, – ответила Анна.

– Ну, слава Богу! – вздохнула уборщица, – А-то как не угрожу вам. Вы – женщина видная, но вот, чувствую, простая. Мне такое дело доверили – украшать вашу жизнь.

– Да, вы правы, цветы действительно украшают нашу жизнь. Ну, мы все о цветах, а дома у вас как? – поинтересовалась Анна.

Это было правилом ее жизни – в разговоре с человеком обязательно интересоваться делами собеседника.

– Не могу сказать, что все хорошо, но результаты уже видны. Я вам так благодарна, Анна Андреевна. Думала, совсем пропадет мужик мой, а сейчас спокойнее стал, увереннее в себе, – с облегчением сказала женщина.

Муж Надежды Федоровны запил, когда без работы остался. Сначала друзья помогли свернуть с пути истинного, а потом и сам себе компанию составлял. Надежда Федоровна совсем сникла. Анна это заметила, поговорила с женщиной и обратилась к знакомому наркологу, взяв на себя все расходы на лечение. Ей очень хотелось помочь женщине, которая однажды убирая в ее кабинете, просто поставила цветы в пустующую вазу.

В тот год Анна после отпуска первый день ехала на работу и забыла заехать на рынок за цветами, а вспомнила об этом, только когда поднималась по лестнице в офисе. Зайдя в кабинет, замерла у двери – на столе в большой вазе стоял букет розовых гладиолусов. Надежда Федоровна знала, что хозяйка кабинета равнодушна к гладиолусам, несмотря на то, что эти цветы считались олицетворением мужественности.

После этого Анна и попросила уборщицу взять на себя приятные обязанности – следить за тем, чтобы на столе всегда стояли свежие цветы, тем более, что Надежда Федоровна жила возле рынка.

Анна дала определенную сумму, вскользь подсчитав расходы, а Надежда Федоровна в конце месяца принесла сдачу, на что Анна ответила, что ее положительные эмоции от цветов на столе стоят значительно дороже и деликатно попросила сдачу не отдавать.

Надежда Федоровна попробовала взять на себя обязанности по уходу за всеми цветами в кабинете, на что Анна шутливо ответила:

– Надежда Федоровна, ухаживая за цветами, я отвлекаюсь и отдыхаю, так что не лишайте меня, пожалуйста, этой возможности.

На самом деле, цветы для нее были как дети, а своих детей она бы не отдала в чужие руки, даже самые заботливые.

Цветочных детей в кабинете Анны было много. Среди всех выделялась величественная монстера. В комнатных условиях монстера цветет редко, но за необычайную заботу хозяйки цветок отблагодарил своим цветением, после которого образовался плод-початок с плотно сидящими на нем ягодами с запахом ананаса. Если учесть, что Анна из тропических фруктов любила ананасы больше всего, то можно было понять ее радость. Анна устроила небольшой оригинальный банкет с шампанским и ананасами, при всех обвела этот день в календаре красным кружочком и назвала его для себя Днем цветов.

Финиковую пальму можно просто купить в магазине. Анна пошла другим путем: купила финики, их съели, а несколько косточек она посадила. Правда, пришлось в течение шести лет ждать, пока пальма приобретет декоративный вид и каждый год пересаживать в большие горшки, но Анну это занятие нисколько не утомляло.

Напротив финиковой пальмы стояла ливистона, тоже из пальмовых. Это растение ничуть не уступало монстере. Анне привезли его из Сочи в маленьком горшочке. Сейчас это было уже целое дерево, роскошное, вызывающее из памяти лето и будоражащее эмоции южного морского побережья.

Папоротник одним из первых освоил зеленое пространство кабинета. По ажурности листы, изяществу формы и декоративному эффекту Анна не находила ему подобных, и не многие растения взяли бы с ним соперничать.

На подоконнике властвовали фиалки – они чувствовали трогательное отношение хозяйки. Анну еще в детстве покорили эти миниатюрные нежные создания природы своим непрерывным цветением в течение всего года. Фиалки позаимствовали свои бесконечно играющие цвета у радуги, и этим создавали особую психологическую ауру.

Негативно настроенные посетители, входившие в кабинет, невольно останавливали свой взгляд на цветах. Разнообразие цветущих головок заставляло окидывать взором весь подоконник: белоснежные фиалки сменялись темно-малиновыми, фиалки небесного цвета передавали место природному фиолетовому. Зеленые цветущие растения рассеивали напряженность и заставляли присутствующих отвлекаться от серьезных мыслей. Им на смену приходило желание восхищаться увиденным.

В конце концов, классическая формула великого Достоевского по поводу спасения мира красотой срабатывала, и переговорные процессы входили в управляемое состояние.

V

– Так, уважаемые, прежде всего, я хочу представить вам нашего нового начальника управления по вопросам реализации и сбыта Каверина Валентина Сергеевича. У него большой опыт работы в этой области, и мы надеемся, что в решении соответствующих вопросов проблем у нас не будет. Если они и будут возникать, то будут быстро и компетентно решаться, – президент обратился к своему новому сотруднику, – Валентин Сергеевич, я желаю вам успешного взаимодействия со всеми структурными подразделениями нашей компании. В тесном сотрудничестве вы будете работать с начальником управления по связям с общественностью, Молчановой Анной Андреевной.

“Если встречают по одежке, – подумала Анна, обратив внимание на нового сотрудника компании, то он достоин самого лучшего приема”.

Дорогой стильный костюм Каверина был из тонкой темной шерсти в почти невидимую полоску оригинального изумрудного цвета. Качественная рубашка смотрелась респектабельно и говорила о том, что на этой детали гардероба хозяин не экономил. Галстук в чем-то копировал рисунок костюмной ткани, но здесь изумрудные полосы выделялись уже не так скромно, а ярко подчеркивали необычность цветовой гаммы.

“Если у него еще и глаза зеленые, – продолжала себе Анна, – то, вероятно, этот товарищ что-то перепутал, и его место с таким вкусом и внешностью ближе к кино- и телекамерам”.

Каверин привстал, кивнул головой, как бы поклонившись, и Анна успокоилась – глаза карие, слегка уставшие и грустные:

Спасибо, Владимир Николаевич.

Далее, Анна Андреевна, мы продолжаем нашу тему предстоящей выставки-продажи. Вы определились конкретно с датой проведения?

– Да, я думаю, мы все-таки остановимся на дне третьего марта. Все преимущества начала марта совершенно очевидны, тем более что нашим товаром будут заинтересованы, в большинстве своем, именно женщины. Большой объем работы уже проделан и, на мой взгляд, не стоит тянуть до начала апреля. Сейчас мы вплотную занимаемся пиаром. Это наш первый опыт такого масштаба, поэтому возникает много проблем и трудностей. Меня беспокоит тот факт, что до сих пор не утверждена смета. Это тормозит решение многих вопросов.

– На какую сумму вы рассчитываете?

– На рекламу, как правило, идет тридцать процентов.

– Но это же при условии стопроцентного успеха! – присутствие главного бухгалтера при озвучивании финансовых расходов перестало быть пассивным.

– Светлана Георгиевна, я не могу ограничиваться просто информированием общественности и распространением рекламы. Я хочу предложить перейти на системный характер работы, пора покончить с отдельными акциями, рассчитанными на единовременный успех, – Анна решила, что пришло время в корне менять отношение к тому, чем занималось ее управление.

– В организацию самой выставки вкладываются немалые деньги, этого недостаточно? – главный бухгалтер по привычке вступала в борьбу за финансовую стабильность предприятия.

– Вы понимаете, как сегодня складывается ситуация на рынке сбыта продукции? Без денег мероприятие вообще не состоится, а вот без пиара оно состоится, вот только пройдет вхолостую. И я не хочу, чтобы на нашу выставку, в которую будет вложено огромное количество денег, пришло пять с половиной человек. Спыхватываться тогда, когда мы увидим пустые залы, будет поздно.

– Я думаю, в данном случае нам уместно вспомнить хорошую поговорку о том, что скупой платит дважды, – в бой вступала тяжелая артиллерия в лице президента компании, –

мы в состоянии прислушаться к мнению Анны Андреевны, тем самым, опередить негативные моменты, а не реагировать на них позже, делая неутешительные выводы. Видимо, есть смысл разработать длительные программы в этом направлении, рассчитанные на перспективу, на создание устойчивой репутации нашего предприятия. Как вы на это смотрите, Анна Андреевна?

Анна почувствовала глоток свободы и решила не упускать данный ей шанс:

– Я, с вашего позволения, выскажу свои предложения по обсуждаемому вопросу. Будет целесообразно подготовить перспективный план деятельности на ближайшие пять лет. Информацию о текущих мероприятиях – выставках, ярмарках, выпуске рекламных каталогов, роликов, статистических и финансовых вестников посылать регулярно, желательно в одно и то же время, для поддержания непрерывного потока информации, исходящей от нас.

– Вы считаете, что такие акции будут иметь успех? – главный бухгалтер стойко держала свою линию оппозиции.

– Смысл этой работы в другом. Стабильный поток сведений, как правило, позиционирует учреждение или предприятие, в данном случае нас, как надежного партнера, способствует налаживанию личных и деловых отношений. Главное в этой форме работы – жесткая периодичность и непрерывность.

– Владимир Николаевич, вы разрешите вставить в наш разговор что-то типа наглядного примера пиаровской деятельности, – начальник управления по вопросам стратегического развития решил, что пришла его очередь побороться.

– Конечно, Виталий Александрович.

– Хочу привести несколько необычный пример – торжественное открытие туалетов, оборудованных сантехникой от Версаче, – читал недавно в прессе. И думаете, где состоялась презентация? В Петербурге, в самом Эрмитаже. Успех акции отменил все сомнения и недоумения. Прежде всего, сыграл свою роль фактор неожиданности и контраста: храм муз и какие-то отхожие места, о которых и говорить – то стыдно. И потом, сильный эмоциональный градус пиаровской деятельности. Эрмитаж оповестил газеты и телевидение, созвал пресс-конференцию, и в итоге – огромный резонанс на пользу версачевской сантехнике.

– Интересная информация, но нам тягаться с Эрмитажем не под силу, да и продукция наша выходит не с маркой известного имени Версаче. И тем не менее, на своем уровне мы тоже можем постараться и показать свой товар, как говорится, лицом. Мы возвращаемся к тому, что предстоит четко сформулировать свои интересы и значимость собственной деятельности. Светлана Георгиевна, пожалуйста, определитесь со сметой, оперативно доработайте и в ближайшие два дня я должен ее утвердить, – на этом президент закончил совещание.

За окном сгустились сумерки. Только сейчас Анна немного расслабилась и почувствовала, как устала. В кабинет вошла секретарь подписать документы. Анна сидела в кресле, задумавшись.

– Анна Андреевна, все нормально? – озабоченно спросила Марина.

– Да, Марина, спасибо, ничего страшного. Просто мы – дети природы, а она манипулирует нашим состоянием, как хочет. Вообще, поздняя осень – страшная пожирательница дневного времени. Создается впечатление, что кто-то ворует у нас жизнь. Только время перевалило за полдень, а уже и вечер на пороге.

– Да, я согласна с вами. Вот в декабре уже начинаешь привыкать к тому, что день становится намного короче ночи, а в период межсезонья трудно привыкать к таким переменам.

– В декабре – другое дело. В декабре мы уже все больше думаем о предстоящем новогоднем празднике.

Марина попрощалась и ушла. Анна спрятала очки в футляр, положила в сумку телефон и проверила систему подключения. Перед зеркалом она освежила губы, сняла с тремпеля легкую

шубку из стриженной норки и, закрывая кабинет, тихонько, как всегда, произнесла: «До завтра. Все будет хорошо».

Открыв дверь офиса, она неожиданно остановилась.

Тихо-тихо падал первый снег. Он не просто падал, а кружился в воздухе. Анна подняла голову в небо, пытаясь что-то увидеть. Создавалось впечатление, будто кто-то сидит на крыше и выдувает, как мыльные пузыри, из трубочки невесомые снежинки, которые игриво пляшут в пространстве. В свете вечерних фонарей они сказочно сверкали.

Анна улыбулась – перед глазами встала картинка из далекого детства. Они с сестренкой перед сном выбежали из квартиры, увидев за окном первые летящие снежинки. Быстро прыгнув в мягкие, но колючие валенки, тихонько открыли дверь и выскочили в ночных сорочках встречать зиму. Что по этому поводу говорила испугавшаяся мама, когда увидела, что кровать пуста, а валенки исчезли, Анна не помнила.

Белые резные зимние вестники медленно спускались с неба, но уже успели накрыть лавочки и газоны. Ярко-оранжевые головки задержавшейся цветущей календулы, слегка прирушенные снегом, вызывали не жалость, а восхищение. Их не испугали холодные снежинки, напротив, это добавило им шарма – цветы под снегом, каково? Им не страшно! Деревья, раскрыв свои широкие ветви, примеряли новые одежды.

Все становилось нарядным. Зима кротко, но уверенно предупреждала о своих твердых намерениях, а осень сдавала потерянные позиции. Холодный воздух уже предвещал первые морозы, темные лужицы затягивались искристой ледяной паутинкой.

Водитель отвез Анну в ресторан.

– Добрый вечер, Анна Андреевна, – с улыбкой встретила ее администратор.

– Здравствуйте! У вас, как всегда, тепло и уютно, – ответила Анна, открывая папку с меню, – что там у вас есть новенького?

– Есть два новых салата. Один из них – «Зимняя прелюдия», а второй – «Первый снег», прямо, как сегодняшняя погода.

– А что у нас есть сам снег? – вопросительно посмотрела Анна.

– Кокосовая стружка.

– В таком случае, от салата «Первый снег» придется отказаться. Вот что я не люблю, так это кокосы. Пожалуй, «Царский салат» будет неизменным на нашем столе, потому что я предпочитаю ананасы. Далее, нарезки – сырная, мясная, и фруктовая.

– Овощную нарезку не заказываете?

– Овощи приготовьте нам, пожалуйста, на гриле.

– Анна Андреевна, я забыла, сыр с какой плесенью класть вам в нарезку, с белой или черной?

– С белой, пожалуйста. Мой муж любит сыр с черной плесенью, но он на праздник не попадает, к сожалению, он в командировке. У нас девичник. Семгу сделайте, как прошлый раз, было очень аппетитно, а главное, вкусно. И называется интересно – «Семга с соседями». Так, а что же заказать из горячего?

– Из горячего могу предложить вам мясо по-скифски.

– Что-то особенное?

– Мясо запекается в фольге с морковью по-корейски и помидором. В момент подачи мы делаем эффект факела.

– Это нам подходит. Еще запишите печеночные орешки, оливки трех сортов и расстегаи с грибами. И обязательно ваш фирменный соус к мясному блюду – ничего подобного нигде не ела. Дома пыталась как-то сотворить что-то похожее.

– Получилось?

– Получилась обычная аджика.

– Соусы готовят под руководством шеф-повара из натуральных продуктов, привезенных из Крыма, а какие специи и приправы туда добавляют и в каком количестве, неизвестно. Это его конек.

– На десерт кофе и мороженое с киви. Спиртное и напитки, как обычно.

В машине Анна вздохнула с облегчением – на сегодня сделала все. Впереди только легкий ужин, душистая теплая ванна и несколько страниц книги.

VI

Пирог праздника под названием «день рождения» кто-то, вероятно, замешал на философских дрожжах. Остальные праздники проходят более легкомысленно и безмятежно.

Восьмого марта, например, думается о наступающей весне. В воздухе чувствуется свежий ветер перемен, которые несет сама весна. Первые весенние цветы напоминают, что жизнь прекрасна и удивительна.

Затяжные майские праздники, верные традиционному бессмертному лозунгу «Мир Труд Май», давно переместились на загородные и дачные участки с гармоничным переплетением приятного с полезным. Майский труд, сосредоточенный на наведении порядка после зимы, обычно мирно переходит в отдых с шашлыками.

В день рождения, грустный праздник, как поется в песне, многие считают прожитые годы, нажитые проблемы и болезни. Философия Анны состояла в том, что в передовой колонне ее жизни должен идти позитивный флагман.

Что такое годы? Это всего лишь сухой математический счет, а математику она не любила со школы. Что такое возраст? Это накопленные опыт и знания, умение анализировать происходящие в твоей жизни события. Главное – это состояние твоей души, которая может заболеть или истлеть, но она никогда не состарится и, если жить по ее законам, то многое в жизни будет даваться легче и проще.

Утро дня рождения встретило Анну свинцовым небом, что совершенно не портило ее праздничного настроения. Было бы удивительно, если бы солнце в этот день выбралось в небо и задержалось там. Анна давно приучила себя к той мысли, что чем мрачнее погода, тем ярче и веселее должен быть праздник. Все шло по плану. Первым, как всегда, поздравил муж. С трепетом и волнением она слушала его бархатный голос:

– У нас сейчас тоже пасмурная погода. Вот-вот начнется то ли снег, то ли дождь, а в моем небе три солнышка – одно большое и два маленьких.

– Большое – это я, а два маленьких – Аленка и Деня? – засмеялась Анна.

– Конечно, зайчонок. Завтра мы уже будем вместе. Передавай привет своей честной компании, отдыхайте и не теряйте морального облика.

– Олечка, между прочим, девчонки провоцируете вы, сами мужчины. У вас, в этом случае, не хватает или желания с нами общаться, или времени, поэтому мы, как жертвы обстоятельств, вынуждены прибегать к такого рода мероприятиям.

– Таким жертвам, как вы, кровожадность мужчин только на руку. Знаю я вас.

– Ну, да. Но мы самые порядочные и самостоятельные женщины, самые скромные и самые веселые – все будет о'кей, – Анна говорила о праздновании дня рождения, но больше думала о предстоящей встрече с мужем.

Ожидание праздника для нее всегда было приятнее самого праздника, который на этот раз обещал быть в кубе радости: девичник, приезд мужа и большой праздничный семейный ужин, а также корпоративчик на работе.

О работе в день рождения Анна запрещала себе думать. Это был ее день, распланированный по пунктам и проходящий под девизом «Красота не терпит суеты».

Анна как-то в шутку назвала ритуал подготовки к банкету придуманным ею словом «клеомэйк». Так она облагородила процесс наведения красоты, откусив кусочек от имени легендарной Клеопатры, женщины, вошедшей в историю не только под ликом царицы Египта, но и прародительницы косметических процедур. Анна мечтала принять ванну из козьего молока, которую предпочитала Клеопатра, хотя бы из интереса и любопытства, и пусть даже не из козьего молока и даже не целой молочной ванны, а разбавленной водой, но попробовать хотела.

После зарядки Анна взяла из холодильника три апельсина, выжала сок, немного разбавила его минеральной водой и выпила. Из кухни путь пролегал в ванную комнату.

Когда после ремонта Анна увидела свою ванную, она объявила, что будет жить именно здесь – так ей понравилась эта маленькая и уютная комната. На стенах красовалась фантазия мастера – нестандартный рисунок, гармонично выложенный в плитке. Цвет плитки выбирали с Олегом вместе. Решили, что она будет частично белого и частично пастельного салатного цвета. Это сочетание не бросалось в глаза, а напротив, расслабляло и успокаивало. Мебель ванной комнаты подбирали в такой же цветовой комбинации. Хромированные ванные аксессуары нежно поблескивали в свете специальных лампочек в серебристых обрамлениях.

Количество флакончиков на таких же хромированных полках уже давно не считалось – их было так много, что новому человеку, попавшему в эту ванную комнату, хотелось там надолго задержаться и рассматривать их, как в музее. Пушистые мягкие полотенца и уютные махровые халаты говорили: “Открой горячую водичку, понежься под душем, а мы тебя укутаем”.

Анна приняла контрастный душ. Нельзя сказать, что она любила эту процедуру, и поэтому всякий раз затягивала сам процесс контрастности – не хватало смелости резко переключить воду, но как потом себя уважала! Прыгать в холодный бассейн, выходя из парилки в бане, ей удавалось легче, потому что там не оставалось времени на размышления.

Махровый халат быстро ее согрел, и она принялась за свое лицо: протерла очищающим тоником, аккуратными массажными движениями почистила скрабом, а затем нанесла маску. На десять минут можно было прилечь. Анна чувствовала, как кровь организма приходила в ускоренное движение – сначала после контрастного душа, а потом и маска, проникая в очищенные скрабом поры, заставляла пульсировать сосуды.

Через десять минут Анна смыла маску, подушечками пальцев прошлась по гладкой отшлифованной коже лица, осталась удовлетворенной и направилась варить себе кофе. На кухню вошла Алена, потягиваясь и лукаво улыбаясь:

– Доброе утро, мамочка! С утра прекрасно выглядишь, сегодня ты в каталоге самых красивых именинниц! Я тебя поздравляю, вернее, мы тебя поздравляем с днем рождения!

– Кто это мы? – удивилась Анна.

– Мы – это я и Тоша, – она подхватила кота, чмокнула маму в губы и подставила мордочку любимца для поцелуя.

– Спасибо, мои хорошие, – улыбнулась Анна.

– Но это еще не все, – крикнула Алена, выбежав из кухни. Возвратилась она с сереньким игрушечным котенком, совершенной копией маленького Тоши. – Это тебе будет как колыбельная мягкая игрушка, эдакий сонный атрибут, будешь с ним засыпать.

– Какой неожиданный подарок! Тоша! – обратилась она к коту, – теперь у меня будет твоя маленькая копия, которая не будет грызть мои ноги. Смотри, будешь ревновать! – на что Тоша подошел к Аниным ногам и начал тереться о них, жалобно мяукая, как будто прося прощение. На самом деле, все было значительно проще – он хотел есть, а есть он хотел всегда.

– Аленушка, тебе варить кофе? – спросила Анна у дочери, доставая из холодильника любимые котом крабовые палочки, не знаящего, что эти самые крабовые палочки делаются совсем не из крабов, а из костной рыбной муки с добавлением крахмала, красителей и ароматизаторов. Но для него это было неважно.

– Нет, мамочка, я уже опаздываю, и не говори, пожалуйста, что вредно выходить из дому голодной. У меня есть шоколадный батончик, я его съем на лекции, а позже пообедаю в столовой, – оправдывалась дочь, на ходу расчесывая волосы.

– На лекции?

– Да, наш препод по культурологии все равно всю лекцию не отрывается от конспекта, делай, что хочешь, только тихо. Некоторые даже дрыхнут. Ну, все, пока. Не забудь свою шаль,

не сиди на сквозняке и не мешай вино с коньяком, – Алена подарила воздушный поцелуй, и входная дверь за ней захлопнулась. Иногда Анна позволяла Алене себя воспитывать – из воспитательных соображений: если ты делаешь кому-то замечание или поучаешь в чем-то, то сам не имеешь морального права слушаться.

После чашечки кофе Анна нанесла на кожу лица вторую маску, питательную, после первой, увлажняющей. Дневной крем и умеренный макияж, а Анна не усердствовала в косметических средствах, закончили первую часть подготовительной программы. Далее процесс пошел вверх – и образно, и фактически: пришло время укладки волос. Анна укладывала волосы дома – приходила ее мастер, Леночка, из ближайшей парикмахерской.

Еще в первых номерах журнала «Cosmopolitan», в начале девяностых, она прочитала, что своего мастера надо искать не в дорогих салонах, а воспитывать самой, настойчиво и терпеливо. Теперь Анна знала, что Лена чувствует ее настроение и желание намного лучше, чем она сама, к тому же не надо никуда ехать – услуга, приближенная к дому. Лена тоже была довольна своей некапризной клиенткой. Работа с Анной доставляла ей удовольствие, за которое еще и неплохо платили.

Очередь подходила к выбору вечернего туалета. Анна давно привыкла к обвинениям в консерватизме, что касается выбора одежды и принимала их в качестве комплиментов – значит она на правильном пути. Она много раз, покупая очередное платье или костюм в традиционном классическом стиле, приходила домой и, снова его примеряя, давала себе слово следующий раз остановиться на чем-то экстравагантном и броском. Следующий раз она корректно отклоняла предложения продавцов-консультантов и останавливалась на том, в чем могла себя чувствовать комфортно. Внутреннее чутье стиля и внешнее восприятие себя самой нашли друг друга и жили душа в душу.

Маленькое черное платье в гардеробе Анны занимало особое, почетное место. Их было три: платье с рукавом в три четверти, с коротким рукавом и платье на бретелях.

Первое из платьев она надела, четко следуя правилам легендарной Коко Шанель: с ниткой натурального жемчуга и в туфельках – лодочках. На голове в тот вечер она закрутила ракушку и чувствовала себя необыкновенно обворожительной и счастливой. Взгляды окружающих делились на мужские и женские. Разница наблюдалась в оценке производимого впечатления: мужчины не скрывали своего восхищения, а женщины старательно пытались скрыть свои истинные чувства.

Анне удалось разгадать тайну простого маленького черного платья. Это платье не так просто, как кажется на первый взгляд. Его привлекательность она нашла в том, что само платье находится на втором плане. Когда женщина одета в маленькое черное платье, то мало кто вспоминает создательницу этого шедевра или восхищается талантом модельера, зато сама женщина становится красивой картинкой, а платье отводится роль рамки.

Анна не представляла, как можно обходиться без этой палочки-выручалочки. Маленькое черное платье выручало ее множество раз: то ли это было неожиданное приглашение на вечеринку, важная деловая встреча, семейное торжество или просто романтический ужин с мужем в милом ресторанчике. Культовая вещь на все сезоны и на все случаи жизни. В жакете можно отправляться на работу, а вечером сменить его на палантин или добавить брошь – и ты соответствуешь заданному моменту. В каждом случае, экспериментируя с аксессуарами, обувью и сумочками, Анна приобретала неповторимый образ. В наше время с его бешеным темпом эта вещь, помогающая быстро трансформировать образ, стала для Анны необходимой.

– О, леди, вы уже готова? – в квартиру вошла Алена, вернувшаяся из института, и застала Анну на пороге дома.

– Как я выгляжу? – вопросом на вопрос ответила Анна.

– Как всегда, отлично. Мамочка, как же ты преданна своему маленькому черному платью! – дочь очередной раз прошлась по классическим пристрастиям Анны, – этому платью, если мне не изменяет память, больше восьмидесяти лет.

– Правильно! Его носили и принцессы, и горничные. Хорошая у тебя память! Только именно этому платью еще и первый юбилей встречать рановато.

– Ты не жемчугом его разбавила? – Алена сдвинула по-учительски брови.

– Нет, доченька. Подобная элегантность прибавляет возраст. Такое сочетание я могла себе позволить лет двадцать назад.

– А-а-а. Сейчас ты позволяешь себе бриллианты и меховой палантинчик, – Алена любя съерничала, но горделиво оценила достоинства матери.

– Ну, и добрая же ты у меня дочь! – засмеялась Анна, – ты лучше вызови мне такси и принеси, пожалуйста, клатч.

VII

Анна приехала в ресторан, как и положено виновнице торжества, первой и мгновенно оценила сервировку стола. На темно-вишневой скатерти празднично смотрелась посуда не традиционно круглой, а квадратной формы, со скошенными углами. В смешанном свете цветных огней поблескивал чешский хрусталь. Накрахмаленные салфетки складывались так искусно, что ломать такую красоту казалось кощунством. В детстве из бумаги делались кораблики, самолетики, тюльпаны, но как можно похожие чудеса вытворять из ткани, оставалось загадкой. На столиках в любое время года стояли букетики живых цветов. Огромный настенный экран развлекал еще немногочисленных посетителей клипами, подобранными на все музыкальные вкусы. Живая музыка ожидалась после семи. Для хозяйки ресторана не существовало мелочей ни в дизайне помещения, ни в обслуживании – во всем чувствовался профессиональный подход к делу и уважение к клиенту. Обратная связь возникала быстро – в городе ценили ресторан «Перфект» и попасть туда можно было, только заранее заказав места.

Особенно ценились столики для двоих. Сегодня они уже все были заняты. Анна почувствовала легкий укол сожаления – в этот вечер один из этих столов заняли не они с Олегом.

– Аннушка, дорогая! – голос вошедшей Ларисы быстро возвратил ее в реальность, – я тебя поздравляю.

С Ларисой Анна училась в институте. Когда-то стройная девчушка – хохотушка превратилась в серьезную пышную даму, которая работала директором школы. Случалось, Анна попадала в школу и видела Ларису в своей директорской роли и, надо сказать, искренне сочувствовала нерадивым ученикам, попадавшим на директорский ковер. В кабинете директора школы на полу действительно лежал ковер.

Одним из достоинств Ларисы было умение быстро снимать строгую учительскую маску и растворяться в сложившейся ситуации. Природа мастерски разместила на ее лице добрые и строгие черты: умные понимающие глаза, четкая линия бровей, немного заостренные скулы, ямочка на подбородке и губы, слегка натянутые, как будто готовящиеся к улыбке. Ларису уважали и ученики, и их родители. Анна любила Ларису за ее открытую душу и готовность помочь в любой ситуации.

Галочка пришла буквально за Ларисой. Яркая, где-то даже вызывающе раскрепощенная, она совершенно не соответствовала своему имени. Родителям следовало бы назвать ее Каролиной или Валерией.

Незамужняя природная блондинка с голубыми глазами, она считала себя интеллектуалкой и ярой феминисткой. Но ее феминизм заканчивался там, где появлялось крепкое мужское тело. Иногда она закатывала что-то похожее на истерику по поводу того, что все мужики сволочи и слепые дегенераты – не замечают такое сокровище, как она, а ей хотелось быть за мужем, то есть замужем. В случае жизненных метаморфоз, когда одному из мужской половины человечества удавалось занять определенную часть Галочкиного сердца, начинались истерики из-за покушения на ее независимость: стирать рубашки и готовить борщи с котлетами она навсегда разучилась. На самом деле, она была несчастной и одинокой: одна вырастила сына, дала ему хорошее образование. Сын женился, с головой ушел в работу и иногда звонил матери.

– Анечка, ты божественно хороша! Сегодня все мужики твои – не забудь поделиться! – Галина производила впечатление беззаботной барышни, но Анна знала, сколько сил и терпения приходится прикладывать этой хрупкой, независимой женщине, чтобы заниматься серьезным бизнесом и руководить крупной компанией.

Наташу Анна считала своей боевой подружкой – они вместе растили своих детей. По очереди молодые мамочки занимали очередь за молоком в пять часов утра во времена тотального дефицита, вместе гуляли, сидели на лавочке, разговаривали «за жизнь», наблюдая, как их

малыши делают пасочки в песочнице. Так же по очереди они встречали первоклассников со школы, поручали детей друг дружке, когда не на кого было оставить, и вместе стояли под институтом во время их вступительных экзаменов. Позже жизнь разбросала их по разным городам, но от этого они даже стали ближе друг другу. Наташа всегда приезжала к подруге на день рождения, заодно проводывала родителей.

Рита, самая близкая из подруг Анны, пришла последней, но не опоздала. Как всегда, она была величественно красива. Черные блестящие волосы, уложенные мастерской рукой, блестящие глаза, аккуратно подведенные черными стрелками, делали ее похожей на итальянскую кинозвезду 60-х годов. С букетом алых роз, в дорогом стильном платье и туфлях на немыслимо высоком каблуке ей не хватало толпы поклонников и ярких вспышек репортеров. Эта красивая, обеспеченная красивым мужем женщина, платила слишком высокую цену за кажущееся счастье, но об этом никто не знал, кроме Анны. День рождения подруги был единственным позволительным мужем выходом в свет без его сопровождения, и то только потому, что Виктор очень хорошо знал Анну.

Официант, высокий молодой человек с приятным голосом и милой дежурной улыбкой, нарисовался сразу, как только женщины подошли к столу. Он деликатно попросил у Анны цветы, поставил в вазу, открыл бутылки со спиртным, разлил вино и коньяк, пожелал приятного вечера и так же тихо удалился.

Приятный вечер начинал складываться из дружеской атмосферы и изысканной сервировки. Салаты в тарелках прятались под аппетитную овощную “оранжировку”, мясную и сырную нарезки выложили узором, прямо-таки из калейдоскопа, рыба лежала на длинном блюде, как на морском дне с имитацией ракушек из яиц и водорослей из листьев салата. Интересно смотрелись разложенные в шахматном порядке бутерброды с красной и черной икрой, печеночный паштет подали в виде цыплят.

– Девочки, начинаем веселиться, – торжественно произнесла возбужденная от приятного волнения Анна, – обо всем забыли, есть мы и этот прекрасный вечер.

– В который раз мы празднуем день рождения нашей замечательной Аннушки, а все, как в первый раз, – подхватила праздничную волну Наташа и подняла свой фужер, показывая, что первой берет слово с тостом в честь именинницы. – Аннушка, ты уникальная женщина, ты вне возраста, время идет параллельно с тобой, ты им управляешь, держишь его, как коня в узде, и не позволяешь ему делать на себе его отметины. Удастся тебе это, потому что ты сильная и целеустремленная. Держи в тонусе все и всех – и пусть хватит тебе на это здоровья.

За первым тостом пошел второй, традиционный, за родителей, а третий – за любовь.

– Ура! Ура! – послышалось громкое восклицание, когда речь зашла о любви.

– Выпьем за любовь! – песней протянула Галочка, – и за тебя, Анечка!

Перезвон фужеров переходил в легкое постукивание вилок. Красиво сервированный стол возбуждал аппетит. Количество выпитого спиртного шло прямо пропорционально уровню веселости и степени разговорчивости подруг.

– Анечка, – взяла слово Лариса и сосредоточила на себе взгляды и внимание. Она как педагог, говорила всегда по-учительски красиво и по-философски мудро. – В каждом году твоей жизни весна переходит в лето, затем на смену приходит осень и завершает год зима. Я желаю тебе, чтобы каждая новая весна дарила тебе тепло солнечных лучей и нежность первоцветов. Пусть лето делится с тобой своими яркими красками, а легкий морской бриз успокаивает тебя и привносит романтическое настроение. Осень встречай с ее щедрыми плодами, а зимние праздники пусть наполняются детскими голосами и освещаются огоньками на елке, под которой ты всегда будешь находить подарки от любимых тебя людей.

– Вот это тост, – оценила Галочка сказанные Ларисой слова, – я хочу сказать вам, девочки, одно – Анька наша – звезда по жизни. Ее любим не только мы, но и мужики. Вы поглядите, только не все и не сразу, как на нее смотрят вон те два мужика.

– Не на меня, а нас смотрят, – попробовала уточнить Анна, – девочки, будьте благоразумны и бдительны. Эти молодые люди слишком молоды для нас – отвлекитесь от искушения и пойдете танцевать.

Компания подвыпивших женщин начинала привлекать внимание. Все они были слишком красивы и не по возрасту веселы, танцевали легко и беспечно, как будто им было по двадцать пять.

Анна подошла к столу, чтобы выпить сока, когда официант поднес к столу шампанское в серебряном ведерце.

– Извините, пожалуйста, но мы не заказывали, – вежливо и в то же время подчеркнуто заявила Анна.

– Вам просили подать в качестве подарка от мужчин с соседнего столика, – отчеканил официант.

Анна выдержала паузу, медленно подняла голову и посмотрела в сторону. Как она и предполагала, на нее смотрел тот, кто сидел к ней лицом. Она кивнула в знак благодарности, а незнакомец в ответ прикрыл веки, как будто сказал «пожалуйста».

– Анечка, ты верная жена, а бесплатный сыр только в мышеловке. Ты не боишься попасть в постель к этому коту, – подошедшая Лариса четко контролировала ситуацию.

– Ой, милая моя, мне в моей жизни вполне достаточно и сыра, и кота, – сразу нашлась Анна.

– Ага, сюжет закручивается, – начала приговаривать Галочка. Бутылка с шампанским вновь собрала женщин за столом. – Девочки, как мужиков делить будем?

– Галочка, ты своего не упустишь, – рассмеялась Анна.

– Анька, ты специалист по связям с общественностью, а не по связям с чужими мужиками, поэтому положишься на меня.

– Мне вот того, что с галстуком, – Наташа первой вступила в игру.

– Я беру его соседа, – Рита разжигала страсти.

– Что значит – беру? Он – мой, – Галочка оставалась не у дел.

– А вот так – кто первый встал, того и тапки.

– Нет, девочки, давайте по-честному. Поворвну, ой нет, порвовну, стоп, по-ров-ну, – наконец, получилось выговорить у Галочки, не то шутя, не то на самом деле заплетался у нее язык.

– По-моему мы входим в кураж, – подытожила Анна, но ей почему-то захотелось сменить тему. Она привыкла к вниманию мужчин, но всегда своим поведением давала понять, что ее сахар им не по зубам – слишком она любила мужа и ценила свое душевное спокойствие. Как-то Галочка сказала:

– Твое поведение пахнет нафталином.

На что Анна ответила:

– Да, я старорежимная – такие экземпляры в природе еще попадаются, но заметь, я не пуританка, и получаю от любви более, чем достаточно. Я получаю от любви огромное наслаждение – и не скрываю этого, но адюльтерчики – это не мой профиль.

Подошел официант и деликатно спросил:

– Анна Андреевна, горячее подаем?

– Пожалуй, пора.

Вынос горячих блюд произвел маленький фурор. Выглядело это действительно впечатляюще. Один за другим выходили молодые люди – официанты, и у каждого на вытянутой поднятой руке был поднос, а на нем блюдо в фольге, пылающее огнем – так подавали мясо по-скифски.

Женская компания все больше и больше привлекала внимание окружающих. Вели они себя скромно, но неординарно. Наташа подошла к музыкантам:

– Ребята, есть тема.

– Без вопросов.

– Нужна песня для именинницы и для нас всех.

– Для вашей именинницы и лично для вас все, что угодно, – услужливо поклонился солист.

– Тогда «Разговор с подругой».

Пока Наташа шла к столу, уже со сцены Анну поздравляли с днем рождения.

– А теперь для этой замечательной веселой компании песня о женской дружбе.

По залу разливались мелодичные звуки, а за столиком женщины тихо, но старательно выводили песню, помогая солисту в исполнении, а когда песня закончилась, в зале некоторые посетители захлопали.

– Слушайте, девчонки, а я себя чувствую звездой – нам даже аплодируют, – Галочка попыталась даже поклониться.

– Нам не только аплодируют, нам хотят лично засвидетельствовать свое почтение, – прокомментировала Анна, видя, как с соседнего столика поднимается мужчина и направляется к ним. По пути он успел застегнуть пиджак на одну пуговицу, и уже этот жест заставил Анну почувствовать внутреннее напряжение.

– Анька, держись – это по твою душу, – страстно прошипела Галочка.

– Разрешите вас пригласить на танец, – галантно и с подчеркнутой вежливостью обратился он к Анне.

Анна встала и покорно пошла. Она не могла не встать или отказать. Его очарование раскрепостило ее основательно. Аккуратная стрижка не коротких, а сравнительно длинных волос делала его похожим на какого-то актера, но какого, Анна вспомнить не могла. Глаза с поволокой неопределенного цвета, то ли серого, то ли серо-голубого, настойчиво притягивали взгляд. Анна пыталась сопротивляться и, по-девичьи, отводила глаза и чувствовала, как дыхание становится прерывистым, а сердце начинает предательски колотиться в груди. «Вот так бедные женщины и попадаются», – подумала она и постаралась быстро взять себя в руки.

– Ну, поскольку вы пригласили, я могу теперь вас поблагодарить не на расстоянии, – начала Анна первой разговор, потому как молчать ей показалось неуместным.

– Это всего лишь маленький сюрприз для красивой женщины в день ее рождения.

– Мы, вероятно, слишком привлекаем внимание окружающих, – как бы оправдываясь, произнесла Анна.

– Ну, во-первых, мое внимание привлекла лишь одна женщина из вашей компании, и она оказалась еще и виновницей торжества.

– Вы, похоже, здесь впервые, – Анна попыталась уйти от разворачивающейся темы.

– Да нет, я в этих местах родился, а учился в Москве. Работаю в России, часто нахожусь за границей. Приехал по делам, да и родителей навестить надо. Ваш завтрашний вечер свободен? – как бы смело, но осторожно перешел в наступление прекрасный незнакомец.

– Вот это да! Я произвожу впечатление легкодоступной барышни? – засмеялась Анна.

– Нет, как раз наоборот, – улыбнулся мужчина.

– Тогда объяснитесь, пожалуйста, – с игривым вызовом произнесла Анна.

– Все банально просто. Вы мне понравились, и я захотел провести с вами вечер. Я, думаю, вы мне не откажете?

– Вам никогда не говорили, что ваша самоуверенность превышает допустимые нормы?

– Моя самоуверенность – всего лишь слабость в присутствии красивой женщины.

– И вас не пугает тот факт, что я старше вас? – Анна не хотела кокетничать, но сорвалась от потока комплиментов.

– Вы просто опытнее и умнее других.

– Опытнее и умнее женщин, которые были у вас? – Анну начинал увлекать этот заигрывающий диалог.

– Может быть, и так.

– Молодой человек, я не знаю, сколько у вас было женщин – мне это совершенно неинтересно, но я никогда не была ни предшествующей, ни следующей.

Незнакомец вопросительно смотрел на Анну.

– Вас это удивляет или звучит старомодно и пафосно? – Анна улыбалась и внимательно вглядывалась в глаза собеседника, пытаясь не пропустить реакции на свой морализаторский тон.

– Я, надеюсь, вас не обидел? – эти слова прозвучали, на удивление Анны, с искренним сожалением.

– Меня может обидеть только близкий мне человек, а вообще меня трудно обидеть.

– Так значит, мне не на что рассчитывать?

– А на что вы, собственно, рассчитывали? На свою сексуальную привлекательность, дерзкую самоуверенность или на мою быструю сговорчивость? Я, вроде, и повода никакого не давала.

– Ваш повод как раз и состоит в отсутствии какого-либо повода. Вы производите впечатление дорогой женщины. Вы не из тех, которые сдаются без боя. Вас еще надо завоевать.

– Вы знаете, я давно вышла из батального возраста. Давно уже ни с кем не воюю – так спокойнее.

– А мне шанс побороться за вас оставляете?

– По-моему, этот вариант будет во всех отношениях проигрышным, – сказала Анна в тот момент, когда песня закончилась. Незнакомец проводил Анну к столу, отодвинул стул, поблагодарил за танец и попрощался. Как-то незаметно он исчез из зала, но Анна заметила его отсутствие. Праздник продолжался.

VIII

– Анна Андреевна, вас просит к себе зайти Владимир Николаевич, – секретарь Анны передала просьбу из секретариата президента.

– Спасибо, сейчас зайду, – Анна и сама собиралась идти на прием к президенту, поскольку у нее накопилась информация, с которой она хотела ознакомить руководство и, кроме того, напомнить, что распоряжение, подписанное президентом, по поводу составления сметы отделом бухгалтерского учета и отчетности не выполнялось.

– С прошедшим тебя днем рождения, Анечка, – Владимир Николаевич позволял себе такую фамильярность по отношению к Анне на правах друга ее отца – они когда-то вместе работали.

Анна давно знала Владимира Николаевича – и за все эти годы он практически не изменился. Та же подтянутость в фигуре, свежий цвет лица. Глубокие морщинки в уголках рта прятались за живостью светло-серых глаз и, хотя возраст давно запутал снежинки в его волосах, седина его не портила, как и любого следящего за собой мужчину, а только прибавляла респектабельности. Работа и ответственность за свое детище держали его в тонусе, а он держал в тонусе и не давал расслабляться своим подчиненным, за что многие на него бурчали в своих кабинетах, а по большому счету, гордились успехами своего предприятия и своим президентом.

– Извини, не смог вчера присутствовать на фуршете, ты же знаешь – причина уважительная. Сегодня мы подписываем контракт с солидной фирмой, а ближе к обеду встречаемся с представителем этой фирмы в ресторане «Перфект». Валентина Сергеевича нет – он в командировке, поэтому я хочу и прошу тебя поехать вместе с нами. Встреча запланирована на два часа.

– Ну, если на два часа, то у меня есть время пожаловаться, – Анна решила, что представлялась прекрасная возможность высказать президенту назревшие предложения и решить текущие проблемы своей работы.

– Ты принесла докладную записку на главного бухгалтера? – неожиданно быстро отреагировал Владимир Николаевич, улыбаясь.

– Откуда вы знаете? – растерялась Анна и, как бы оправдываясь, продолжила, – вы же знаете, Владимир Николаевич, я не пишу докладных на сотрудников, хотя вы всегда на этом настаиваете. Я считаю, что это кляузы, и писать мне их унижительно. Я стараюсь решать вопросы другим путем, более дипломатичным. Я несколько раз напоминала Светлане Георгиевне о том, что смета не подписана, и это тормозит нашу работу.

– Я только что смету подписал, и как раз сегодня Светлана Георгиевна говорила о том, что скоро ты на нее будешь жаловаться.

– Замечательно, но это еще не все. Я хочу внести на ваше рассмотрение свои предложения по расширению направлений работы нашего управления, – Анне давно хотелось поговорить о перспективах своей работы.

– У тебя есть еще что-то новое?

– У меня масса предложений – дайте только развернуться, – с мольбой в голосе произнесла Анна.

– Давай, валяй свои предложения, – по-отечески отозвался Владимир Николаевич.

– Я не буду оригинальной, если скажу, что перед нами стоят две задачи: производство и сбыт. Производство у нас налажено, а вот со сбытом, время от времени, происходят сбои – большая конкуренция, – Анна подготовилась к разговору и чувствовала себя уверенной.

– Ты начинаешь, как на совете директоров. Может, тебя в свой резерв подать? – улыбнулся президент.

– Вот вы смеетесь, Владимир Николаевич, а я серьезно хочу с вами поговорить, – Анна была всерьез настроена на глобальные перемены. Владимир Николаевич поднял обе руки, мол, сдаюсь и слушаю.

– Я мало понимаю в производстве, да и в области сбыта я не профессионал, – продолжала Анна, – но я, как переводчик, нахожусь между двумя субъектами: производителем, которому необходимо сбыть свою продукцию, и заказчиком. Я должна одинаково хорошо понимать обе стороны, потому как главная цель моей работы – создание коммуникативного моста, то есть организация общественного мнения.

– Я вижу, ты конкретно настроена, Анна Андреевна, – Владимир Николаевич перешел в сторону делового тона.

– Я давно готова работать на более высоком уровне. Вы слышали о так называемом эффекте «эпохи потребления»?

– Нет. Ты у нас специалист в этой области – вот и объясняй.

– Задача организации производства заменяется другим приоритетом – организацией сбыта. Любые социально-экономические перемены, как правило, вызывают конфликты и требуют присутствия определенного уровня согласия. Вот тут-то наша PR-команда и нужна, и команда подготовленная, с конкретными целями и задачами.

– И что же ты хочешь предпринять, в таком случае, в первую очередь? – Анне удалось заинтересовать президента, и она пошла дальше в своих убеждениях.

– У нас стало нормой проведение различного уровня презентационных мероприятий, наша выставка уже сейчас заставляет о себе говорить, налажены отношения с инвесторами, хорошие связи со средствами массовой информации. И как результат, уже накопился значительный опыт воздействия наших технологий на заказчика. Теперь мы идем дальше по пути детального изучения самого заказчика и использования этой информации в нашей службе для выработки дальнейших шагов в отношении определенного клиента. И я хочу, чтобы вы об этом знали и, в какой-то степени, помогали.

– Ну, я думаю, в моей помощи вы нуждаетесь меньше всего. Скорее всего, мы скоро будем прибегать к вашей помощи. Я даже боюсь, – Владимир Николаевич засмеялся, – что совсем скоро именно ваша команда будет иметь огромное влияние на выработку стратегии и политики нашей работы. Аня, ты не замечаешь, как к тебе прислушиваются, а некоторые решения вообще без тебя не принимаются.

– Владимир Николаевич, мне это приятно слышать, но чем больше я работаю в этом направлении, тем меньше ясностей и больше вопросов возникает, ведь мы стараемся держать руку на пульсе, а новых креативных предложений возникает все больше и больше.

– И что это за штучки – твои кре-а-тив-ные предложения? – Владимир Николаевич, при всем уважении к Анне и ее работе, не любил слова иностранного происхождения. Анна, уважая принадлежность Владимира Николаевича к эпохе всеобщего патриотизма, сделала вид, что не заметила иронии:

– Это еще те штучки! Например, управление корпоративным имиджем, или создание благоприятного образа личности. Меня заинтересовала теория управления процессом адекватного восприятия аудиторией информации, и с этим мы возвращаемся к тому, о чем я уже говорила – к системе изучения самого заказчика.

– Да, Анна Андреевна, я вижу спокойной жизни ты нам не дашь, – сказал Владимир Николаевич, выразив некоторую озабоченность, которую Анна заметила сразу и решила поставить все точки над i:

– После завершения подготовки и проведения выставки я вплотную подойду к реализации новых планов, но нужно ваше благословение, – Анна смотрела прямо в глаза президента компании и смело пользовалась своим даром очарования. Владимир Николаевич любил и ува-

жал Анну за присущее ей гармоничное сочетание аналитического склада ума, природной красоты и безграничного шарма, которые могли сразить, кого угодно.

– Подготовь свои предложения в развернутом виде на совет директоров, который состоится на будущей неделе, но заранее я хочу сам еще раз просмотреть. Четко определи ответственных и не бери львиную долю работы на себя. Со сроками тоже не торопись. Надо подготовить соответствующий приказ.

– Я все поняла. Спасибо.

– И не забудь, на два часа.

– Что от меня нужно?

– Только твое присутствие.

На всех корпоративных мероприятиях за Анной ухаживал Владимир Николаевич. Этот факт никого не удивлял и не давал повода для досужих кабинетных разговоров. В ресторане он помог Анне снять шубу и сдал верхнюю одежду в гардероб. Приглашенные вошли в зал, их встретил администратор и провел к заказанному столику. Анна остановилась в полном изумлении.

– Что случилось? – тихо спросил сопровождающий ее президент.

– Это розыгрыш, Владимир Николаевич? – Анна оставалась в каком-то внутреннем ступоре.

– Какой розыгрыш? – в замешательстве спросил президент.

– Это кто нас встречает? – из-за стола встал и пошел им навстречу тот прекрасный незнакомец, который обещал Анне на девичнике по случаю дня рождения побороться за ее расположение. Он был уже в другом, строгом костюме с галстуком, четко выдерживая протокольный dress-cod.

– Это президент фирмы, с которой мы сегодня заключили контракт. Эта фирма – наш давний российский партнер. Они давно зарекомендовали себя, как очень надежные и четко выполняющие свои обязательства. А чему ты так удивляешься?

– Это «Союзсервис»? – Анна прекрасно знала эту фирму, которая не нуждалась в рекламе ни со своей стороны, ни со стороны партнеров.

– Да именно они, – только и успел сказать Владимир Николаевич. Он учтиво протянул руку для приветствия и представил Анне партнера, – познакомьтесь, Анна Андреевна, – это Завадский Игорь Алексеевич, новый директор компании «Союзсервис», а с остальными Игорь Алексеевич уже познакомился в процессе нашей работы.

Завадский слегка наклонил голову в ожидании, как ему представят женщину, при виде которой у него заблестели глаза, и загадочная улыбка от приятной неожиданности отразилась его на лице. Никто из присутствующих этого не заметил, но от Анны не скрылся огонек маленького триумфа, который она по-своему, по-женски материализовала в несказанные слова: «Вот видите, а вы говорили, что у меня нет шансов. Сами жизненные обстоятельства дают мне такую возможность».

Владимир Николаевич представил Анну как начальника управления по связям с общественностью, на что Завадский отреагировал банальной любезностью, за которую Анна в мыслях поблагодарила его. Завадский, как истинный джентльмен, сделал вид, что видит Анну первый раз.

За обедом Анна не унималась:

– Владимир Николаевич, но представителем фирмы «Союзсервис» всегда был Никитенко Виктор Петрович.

– На сегодня в компании произошли кадровые перестановки. Директор фирмы, Соврасов, оставил свое дело, вернее, не оставил, а остался акционером своего предприятия с большим пакетом акций, а дело передал в руки достойнейшего, как он мне сказал. Новый президент решил установить с нашей фирмой личные контакты и поэтому приехал сам, чтобы поознако-

миться. В течение двух дней мы изучали их деловое предложение, а он наши прейскуранты и каталоги. Ты же сама каталоги готовила. Он посетил наши производственные помещения – остался доволен.

– Быстро вы справились, – заметила Анна.

– Нет, еще готовится сертификат качества и сертификат происхождения товара, подготавливается техническая документация.

– На какую сумму контракт? – Анна знала, что это конфиденциальная информация, но на нее это не распространялась, потому что она, как никто другой в руководстве, была заинтересована в результативности деятельности своего предприятия. Владимир Николаевич улыбнулся:

– Я тебе покажу – и ты будешь приятно удивлена.

Обед прошел в официально-дружеской обстановке. Не обошлось без обсуждения некоторых вопросов взаимного сотрудничества, при этом за столом нашлось место и шуткам, и даже приличным анекдотам. Анна все время чувствовала себя мишенью, странные противоречивые мысли роились в голове.

В дамской комнате она осталась один на один со своим непонятным беспокойством. Анна смотрела в зеркало, подкрашивая губы, и мысленно разговаривала со своим зеркальным отражением:

– Это что? Как можно объяснить такое стечение обстоятельств? С какой целью все складывается именно так?

Губная помада вернулась в косметичку, в руках у Анны появилась пудра, и диалог продолжался:

– Неужели я сыграла во всем этом какую-то роль, и существует связь между мной и таким выгодным контрактом?

Анна задержалась у зеркала, обернулась, снова глянула на себя, и здравый смысл, не зеркальный, так же, мысленно, ей ответил:

– Милочка, совсем недавно ты обвиняла человека, сидящего за столом напротив тебя, в запредельной самоуверенности и неотразимости, а у самой сейчас самооценка начнет зашкаливать. Не много ли ты на себя берешь?

– Ты думаешь?

– Уверена.

– Хорошо, снимаю корону. Но как все это объяснить?

– Идет деловой процесс – и твоего вклада здесь меньше всего.

Зеркальное отражение снисходительно улыбнулось. Анна, успокоенная «разговором», вернулась в зал, где уже сворачивалась официальная трапеза.

Владимир Николаевич, явно удовлетворенный сложившимся положением дел, о чем-то разговаривал с Завадским и, увидев Анну, пригласил ее подойти:

– Анна Андреевна, завтра все соответствующие сопроводительные документы будут готовы, и Игорь Алексеевич уезжает, но сегодня ему необходимо завершить еще кое-какие дела, но без твоей помощи ему, вероятно, не обойтись.

– Вы хотите, чтобы я поделилась опытом своей работы? – Анна попыталась сделать беспристрастное выражение лица.

– Мы хотим, чтобы ты поделилась своим опытом в выборе подарков, это у тебя хорошо получается, а для мужчин такая работа как испытание – по себе знаю. Помогите, пожалуйста, человеку. Считай, что это моя личная просьба.

Владимир Николаевич и присутствующие на обеде попрощались с Завадским, пожав друг другу руки.

– Анна Андреевна, – начал разговор Завадский, когда они остались одни, – поскольку до Нового года я уже не смогу навестить родителей, то хотелось бы сейчас позаботиться о новогодних подарках. Не откажите в этом.

– В этом не откажу, – многозначительно кивнула Анна, – но все не так просто. Выбор подарков – это целое искусство.

– И в чем состоит это самое искусство?

– Попробую объяснить, – Анна понимала, что ситуация начинает ею руководить, но сам процесс выбора подарков был для нее, как маленький творческий поиск, который всегда ее увлекал, и решила себя немного развлечь, – что, на ваш взгляд, главное в подарке – ценность, цена или что-то иное?

– Глубоко над этим я не задумывался, – Завадский слегка пожал плечами. Он не был готов быть в роли ученика и отвечать на такие вопросы.

– В словах «дар» и «рад» есть какая-то связь, не правда ли? – спросила Анна.

– Согласен. С этим трудно не согласиться.

– Тогда будем дарить вашим родителям радость.

Анна отказалась от машины и предложила пройтись пешком по проспекту, где яркие предновогодние рекламы магазинов обещали выбор подарков на любой вкус и с хорошими скидками. По дороге она устроила что-то вроде блиц-опроса и через пятнадцать минут общения Анна знала вкусы и предпочтения родителей Завадского.

Все оказалось предельно просто. Лидия Трофимовна долгими зимними вечерами любила читать и вязать. Из книг Анна выбрала нашумевший роман Пауло Коэльо и специальный детективный новогодний сборник. Из женских литературных пристрастий она посчитала сделанный ею выбор золотой серединой. Что касается вязания, то Анна давно заметила оригинальную плетеную корзинку для хранения клубочков ниток – она сама когда-то часто вязала и о такой корзинке могла только мечтать. В коллекцию подарков прибавили небольшую искусственную елочку с миниатюрными игрушками и горящими огоньками. В отделе новогодних товаров Анна также нашла специальный веничек из сосны, в центре которого были прикреплены два звонких колокольчика. Такие сувениры в виде домашнего оберега Анна в прошлом году купила для всех своих родных. Свой домашний оберег Олег повесил на входную дверь, и при каждом открытии двери колокольчики приятно позванивали и, кроме всего прочего, отгоняли нечистую силу.

– Вы не против этой покупки? А это впечатляет? – то и дело спрашивала Анна.

Завадский только кивал головой в знак согласия на неожиданные для него предложения и молча расплачивался, упаковывая подарки в красочные пакеты.

Не остался без внимания Анны тот факт, что отец Игоря Алексеевича в прошлом году на дачном участке затеял строительство бани. Анна с удовольствием взялась за подбор банного комплекта: первым сюда вошло огромное небесного цвета полотенце, затем она выбрала полотняные шапочки для парилки, и обязательным атрибутом шли в комплекте березовые веники. Как человек, искушенный в искусстве парения, Анна не забыла и о косметических средствах. Она выбрала кремовое мыло, скраб и молочно-медовый лосьон для тела. Термос и набор пакетов зеленого чая в ассортименте завершили банный набор.

Анна и Завадский с яркими пакетами после плодотворного шопинга шли по вечернему проспекту. Студеный ноябрьский ветер с морозящим дождем заставлял поеживаться Анну от холода. Осенние листья, темные и мокрые, тоскливо кружились в последнем хороводе. Одинокая луна время от времени появлялась на небе в попытке встретиться со спрятавшимися звездами. Тяжелые тучи грузно заслоняли верхнее пространство над городом. В любой момент мелкий дождь готов был перейти в дождь со снегом. Анна посмотрела в небо, а потом перевела взгляд на Завадского в ожидании прощания, поскольку задание своего президента она выполнила.

Завадский понимал, что больше ничем не сможет продлить общение с женщиной, которая последние три дня заняла определенную часть его существа. Он приготовился еще раз поблагодарить ее и попрощаться у остановки маршрутного такси, но спасительная мысль пришла в голову, и он быстро, с глубоким выдохом произнес:

– Анна Андреевна, давайте согреемся – выпьем по чашечке горячего кофе. Вы замечательно поработали, а я не могу оставаться у вас в долгу.

Анна почувствовала внутреннее расположение к этому человеку. В его отношении уже не было мужской настойчивости, а только галантная вежливость, чрезмерная самонадеянность сменилась уверенностью самодостаточного человека, чувство собственной неотразимости уступило место полярному чувству уважительного почтения. Анну подкупило трогательное отношение Завадского к своим родителям и его непосредственно-искреннее поведение во время выбора подарков.

Они оба понимали – изменилась ситуация, теперь они находились в другом статусе, прежде всего, статусе партнеров большого бизнеса, а отношения мужчины и женщины оставались за пределами деловой этики.

IX

В кафе было тепло и уютно. Аппетитно пахло свежеприготовленным кофе.

Завадский отодвинул стул, Анна присела и обвила руками горячую чашку с «американо». Тирамису подали на маленьких тарелках, а клубнику в высоких креманках.

– Вы, Игорь Алексеевич, вероятно очень хороший сын, – Анна первой нарушила затянувшееся молчание – теперь она смело управляла ситуацией – из ведомой стала ведущей.

– У меня нет права быть плохим. Несколько лет назад мой старший брат погиб в автомобильной катастрофе. Мама долго оставалась в состоянии глубокой депрессии. Сейчас ее психическое состояние вошло в какую-то норму, и я стараюсь, как могу, поддерживать родителей и морально, и материально. Новый год – любимый праздник моей мамы, она относится к нему по-особенному, – в глазах и в голосе Завадского уже не скрывались легкие сентиментальные нотки.

– Новый год – вообще праздник особенный, – поддержала Анна.

– Мама, кстати, не любит праздновать свой день рождения – ее пугает возраст, количество морщинок и количество болезней. А вот вы, как я смог заметить, возраста не боитесь и отмечаете свой день рождения по-королевски весело.

– Сказать – не боюсь – значит слухавить, но и стараюсь не страдать по этому поводу. По большому счету, я не считаю прожитые года, а как бы нанизываю их на ниточку.

– На ниточку? – переспросил Завадский.

– Да, на ниточку, и это образное ожерелье с радостью ношу на своей шее. И поверьте, груза большого не ощущаю, а только благодарю Бога за каждый прожитый год и за то, что он с этим каждым годом мне дает. В общем, мне удается извлекать пользу, вернее, даже так – каждый год моей жизни знаменует рождение какого-то замысла или нового яркого жизненного спектра, и я активно этим пользуюсь в своей жизни.

– Интересная у вас жизненная философия, – Завадскому становилось ясно, почему он с первого взгляда увлекся этой неординарной женщиной.

– В течение многих лет я пишу своеобразный кодекс законов своей жизни, начиная с момента рождения. Правда, я не помню, в каком году пришла ко мне такая мысль, но пишу действительно по годам, – Анна тихонько поставила пустую чашку на стол, но Завадский, похоже, не собиравшись заканчивать заинтересовавший его разговор и предложил Анне фужер шампанского. К своему удивлению, Анна не отказалась.

– И что же в вашем кодексе записано в результате первого прожитого года жизни? – спросил Завадский, подпирая подбородок руками и готовясь слушать рассказ Анны. Он стал похож на ребенка, который ожидает услышать интересную сказку.

– Может, это выглядит смешно с мужской точки зрения, но у женщин свой взгляд на вещи, – Анна попыталась предупредить непредсказуемые следствия женской логики, – например, увидев себя на фотографии в возрасте чуть больше года, где я сидела в элегантном на то время чепчике, я сразу поняла, что мне будет идти головной убор с полями. С тех пор я просто обожаю шляпки.

– А что же спустилось с небес в два года?

– О, это совсем другая история. В два с половиной года я едва не утонула, – Анна сделала глоток шампанского и отправила в рот клубнику, которая, как оказалось, имела не только красивый вид, но и соответствующий своему названию, запах и вкус. Завадский сидел с видом кота, перед которым размахивают кусочком мяса, – вы хотите услышать эту историю?

– И не только эту.

– Тогда слушайте. Мы жили в шахтерском поселке, и во дворе каждого дома стояли угольные вагонетки, служившие емкостью для поливной воды. Так вот, я решила набрать воды и

полить цветы. Я опустила в воду небольшое ведро, которое быстро набралось и, под своей тяжестью, потянуло меня за собой. К счастью, посредине вагонетки была перекладина, за которую я успела схватиться руками. Сколько я так продержалась, неизвестно, но хваталась за жизнь своими детскими ручонками очень крепко.

Мама была на работе, а смотрела меня соседка. В тот момент в летней кухне она готовила обед – на печке уже подходила поджарка. Позже Евдокия Семеновна рассказывала, думаю, сейчас поджаркой борщ заправлю и пойду посмотреть, как там Анютка – что-то она притихла. Но, видимо, мой ангел-хранитель заставил ее отставить сковороду и, таким образом, спас меня. Еще бы минута, и мои ослабевшие руки не справились с напряжением, и я бы пошла под воду. Теперь я точно знаю, что за жизнь и за свое счастье надо хвататься обеими руками, и даже в самых безвыходных ситуациях не опускать руки, в моем случае это оказалось в прямом смысле этого слова. Бог помогает только тем, кто старается помочь себе сам.

– Вы помните этот страшный случай?

– Конечно, нет. Мне об этом мама рассказывала, когда я была в сознательном школьном возрасте, но я хорошо помню выводы, которые тогда сделала.

– А что же было в четыре года? – с интересом задал вопрос Завадский, ожидавший разворачивания событий.

– В четыре? Сейчас скажу. Та-а-к. Осенью в детском саду мы плели гирлянды из желтых тополиных листьев. Забавно, но я до сих пор помню запах тех листьев и запах той далекой осени. Наверное, с тех пор я так люблю осень. Она меня умиротворяет. В осени из всех времен года наиболее гармоничная аура. Солнце – щадящее и ласковое, цвета – яркие и теплые, а плоды – спелые и сладкие, но, – Анна улыбнулась, – к ноябрю такое определение вряд ли можно отнести.

– Такого мудрого подхода к жизни я не встречал. И вы помните вот так каждый год? – искренне удивился Завадский.

– Пожалуй, да.

– Извините за назойливость, а можно вспомнить еще один год.

– Какой?

– Ну, например, двенадцатый год вашей жизни.

Анна на какое-то время задумалась, соотнося даты со временем.

– В тот год на день рождения мне подарили глобус, – мечтательно вспоминала Анна, – я долго его просила у родителей. Потом часто крутила его, замороженно искала города и страны, и мечтала о том, что когда вырасту, обязательно буду путешествовать, чтобы посмотреть мир своими глазами. Это желание было настолько сильным, что приобрело, в конце концов, реальные возможности. Вот уже несколько лет мы с мужем стараемся каждый год раскрыть для себя таинства определенной страны.

– И какая же страна была в вашем списке первой? – Завадский не удержался и продолжил, – я могу догадаться.

– И на чем строятся ваши догадки?

– Такая женщина, как вы, достойна изысканности Парижа.

– Вы правы, но отчасти. Я мечтала побывать в Париже, потому что Франция – родина писателей, на романах которых я, в какой-то степени, воспитывалась, – Анна засмеялась от того, что сама сказала, – получилось, как у девушки-дворянки.

– И кто же до такой степени затронул ваше сердце? – что-то слегка ревностное прозвучало в вопросе Завадского.

– Бальзак и Роллан. Бальзака я всего перечитала, а одна «Очарованная душа» Ромена Роллана очаровала меня навсегда. Пожалуй, не каждой женщине настолько дано понять суть своего естества, насколько изучили и описали женскую душу эти французские писатели. Я читала их произведения с ручкой в руках, буквально конспектировала их мысли, а потом много

раз перечитывала. Сейчас безошибочно процитирую вам фразу из «Воспоминания двух юных жен» Бальзака. «Губы ребенка льнут к груди с неизъяснимой любовью, принося разом и боль, и наслаждение – наслаждение, доходящее до боли, и боль, переходящую в наслаждение». Какая женщина скажет лучше? Как мужчине можно было так глубоко выразить то, что не дано ему природой?

– Анна Андреевна, вы просто привораживаете, вы опасная женщина.

– Опасен тот, кто молчит, а я тут что-то разговорилась. Я думаю, мне пора, – Анна засуетилась, собираясь, – спасибо, что так внимательно выслушивали меня. Кстати, вы оказались первым моим конфидантом. Эту страничку своей жизни я никому не открывала, как-то не приходилось говорить на эту тему, но сегодня, признаюсь, говорила не без удовольствия. Получился экскурс в историю моей жизни. Потешили вы сегодня мое тщеславие. Даже сама не ожидала, что вот так душу выверну наизнанку.

На улице на прощание Завадский позволил себе поцеловать руку Анны, немного задержал ее у своих губ, и их глаза встретились. Завадский пристально вглядывался, а Анна демонстративно медленно сгибала кисть руки, предоставляя светящему фонарю возможность поиграть блеском бриллиантовой россыпи своего обручального кольца. Но Завадского, видимо, не растрогало наличие обручального кольца на руке Анны. «Меня пригласили на выставку, – подумал он, – и я обязательно приеду».

Х

– А теперь закрой глаза и не подглядывай! – Олег вошел в комнату с заложенными назад руками.

На праздничном столе возле бутылки французского вина горели свечи. Они придавали моменту особую торжественность и таинственность. Алена хихикнула, когда Анна, прищурив ресницы, пыталась все же подсмотреть.

В руках у Олега появилась ярко-красная бархатная удлиненная коробочка. Анна затаила дыхание и уже непроизвольно вытянула шею, готовая почувствовать легкую прохладу дорогого металла. Она любила золотые украшения и не скрывала этого. Серебро не грело ее, а бижутерию она не игнорировала только потому, что считала ее удачным аксессуаром, подчеркивающим индивидуальность.

Гранатовое кольцо засверкало на тонкой шее. У Анны уже были сережки с этим камнем и кольцо. Теперь и кольцо займет свое почетное место в числе любимых драгоценностей.

– Спасибо огромное, – тихо произнесла взволнованная Анна, нежно поцеловала мужа и подошла к зеркалу. Теперь она поняла, почему Алена так настаивала на том, чтобы она в этот вечер семейного торжества надела именно гранатовые серьги.

– Но как тебе удалось подобрать камни, ведь гранаты непросто найти одинаковые по цвету и насыщенности? – глядя в зеркальное отражение, Анна осторожно прикасалась к украшению на шее, как будто боялась повредить.

– Гранаты – камни любви, а любовь делает настоящие чудеса, – сказал Олег, повторяя слова короля из старого фильма-сказки «Золушка», сам не ожидая, что так удачно память предоставит нужные слова в нужный момент.

А любовь действительно делает чудеса. Она заставляет трепетно биться сердце, сколько бы тебе не было лет. Пусть нет былой пылкой страсти в отношениях – это привилегия молодости или тайных внебрачных отношений. Но сколько появляется нежности и трогательности, когда годы отбирают страсть.

В отношениях Анны и Олега количество чувств давно перешло в их качественную сторону. Способность любить не исчезает с возрастом, но становится привычкой только у тех, кто так и не научился по-настоящему ценить это великое чувство, кто не приложил особых усилий к тому, чтобы его сберечь, не дать погаснуть. На самом деле сохранить огонь любви – нелегкое дело, и не каждому оно по плечу. Олег и Анна не потеряли через прожитые годы дар, посланный им с небес, а наоборот, приумножали и с удовольствием вкушали плоды, выращенные в саду их любви.

Жизнь так распорядилась, что Олега часто не было дома из-за плотного графика командировок, но расставания и расстояния, как катализаторы, только ускоряли реакции взаимных чувств. И каждый раз по приезду мужа Анна чувствовала себя удивительно молодой и требовательной, а Олег с радостью и удовольствием старался удовлетворить запросы своей половинки.

Природа, судьба или высшие силы наделяли их сексуальные игры особым магнетизмом. Они сами подогревали свои чувства разнообразием мелочей, на которые не скупились и не ленились. Без таких маленьких хитростей даже идеальный союз мог со временем стать пресным.

Олег любил эротическое белье, а Анна любила его покупать и даже получала удовольствие от того, как на нее реагировали по ту сторону прилавка. Смотрели на нее по-разному. Одни с некоторым осуждением, мол, давно уже не двадцать пять, а туда же. В этом случае Анна корчила из себя капризную даму, еще пользующуюся спросом и претендующую на роль страстной любовницы.

В другом случае, когда ей предоставляли возможность чувствовать себя хозяйкой положения и поддерживали ее стремление и желание быть в струе жизненных наслаждений, Анна выбирала самое дорогое белье, и не в единственном экземпляре, чем приводила в восторг благодарных ей продавцов.

Поскольку даже самое эротическое белье не дает простор эротическим фантазиям, если фигура не будет ему соответствовать, то Анна строго следила за тем, чтобы мышцы бедер, живота, ягодиц оставались подтянутыми. В этом помогали ей гимнастика и занятия йогой. Она твердо была убеждена в том, что только те достойны истинного чувства, кто прилагает немалые усилия, культивируя в душе постоянное стремление быть желанной и всегда удивительной.

В тот вечер Анна решила поиграть в прятки, заставив мужа кое-что поискать и отгадать. Умные женщины знают, что путь к мужчине лежит не только через желудок. Обоняние может сыграть немалую роль в возбуждении чувств.

Анна нанесла в ванной комнате на свое тело различные запахи. Область кожи за ушами она смазала лавандовым маслом, на область декольте нанесла древесные капельки жасмина, а на живот – мягко-пудровый ванильный аромат.

Олег уже лежал в кровати и читал журнал, когда Анна вошла в спальню с мягкой бархатной ленточкой в руках. Она молча подошла к мужу, легонько перенесла журнал из его рук на тумбочку и начала маятником качать перед его глазами бархотку.

– Это что такое? – спросил Олег, а в глазах уже забегали искринки от приближения любимой женщины. В ответ Анна только приложила палец к губам, заставляя замолчать и покорно подчиниться.

– Ты сможешь овладеть мною только при условии, если отгадаешь запахи, нанесенные на мое тело. Сейчас я завяжу тебе глаза, и ты, переходя от запаха к запаху, будешь их отгадывать.

– А сколько их? – Олег чувствовал, как его заводит эта игра.

– Тебе предстоит отгадать три запаха. Начинай, – Анна мягко прикоснулась губами к шее Олега, помогая ему решить его трудную задачу...

– Браки совершаются на небесах, а на земле они только регистрируются – ты помнишь это? – Анна нежно прошептала, когда немного успокоилась от избытка эмоций.

– Помню, – Олег смотрел в глаза Анны и понимал, что не готов еще расслабиться. Он снова обнял жену, а Анна положила свою голову ему на плечо.

– Ты не забыл, какое событие нас ждет в августе?

– Помню, – повторил Олег, скорее по инерции, чем осмысленно – его желание нарастало.

– Не торопись, – Анна пыталась остановить его непослушные руки, – послушай, что я тебе скажу.

– У тебя для меня есть еще один сюрприз? – Олег замер в ожидании.

– Нет, на сегодня, пожалуй, хватит. Ну, послушай меня, прошу тебя.

– Хорошо, я тебя внимательно слушаю, а потом слушаться будешь ты меня, – Олег приготовился слушать жену, предвкушая еще одну порцию любовного коктейля.

– Мы собирались с тобой венчаться в серебряный юбилей, но твои затяжные заграничные поездки не дали этого сделать, и ты мне тогда пообещал, что мы обвенчаемся в жемчужную свадьбу. В августе будет уже тридцать лет.

– А я вот уже тридцать лет, как с тобой мучаюсь, – сказал Олег, не сводя с любимой глаз.

– Ах, ты мучаешься! – шутливо возмутилась Анна и подняла руки в попытке напасть на Олега.

Олег перехватил в воздухе своими руками руки Анны, осторожно заломил их на подушку, осыпал поцелуями шею, а потом горячо прильнул к ее губам.

– Я еще не назвал все запахи, – прошептал Олег так, что легкая дрожь пробежала по телу Анны.

– Нет, ты назвал все три, – так же шепотом отозвалась Анна.

– Есть еще запах любимой женщины, который продолжает сводить меня с ума вот уже тридцать лет.

XI

Старый год с неохотой подходил к своему финишу, в то время как народ с огромным удовольствием готовился к наступлению нового года.

Сегодня никто не вспоминает, да и не знает, что больше тысячи лет назад праздник Нового года отмечали первого марта.

В наше время трудно представить Деда Мороза в первый день весны с мешком новогодних подарков и со Снегурочкой. В это время легче увидеть мужчин, которые начинают набеги на парфюмерные и подарочные отделы, а вместо елей и сосен в продаже появляются тюльпаны и мимозы. Начало весны и пробуждение природы тогда решили ознаменовать началом годичного цикла.

Прошло время, и наши предки, наиболее прогрессивные, решили попробовать изменить летоисчисление, и в 1492-ом году празднование Нового года непредусмотрительно перенесли на первое сентября. В пятнадцатом веке в этот день не звенел в школах первый звонок, и даже самый просвещенный человек того времени не называл первое сентября Днем знаний. Больше склонялись к тому, чтобы называть этот день Днем урожая и начинать с него новый год жизни. Такой порядок вещей больше двух столетий всех славян устраивал, но потом снова захотелось перемен.

Неизвестно, сколько бы наши предки экспериментировали с датами, если бы не великий Петр I. В суете своих глобальных государственных дел он не забыл и о реформе, которая, к сожалению, не вошла в ряд величайших петровских деяний. В числе других Петр I издал указ о праздновании Нового года в ночь с 31-го декабря на 1-ое января с украшением жилища елями и забавами для детей.

Началась новая эпоха празднования Нового года, которая сегодня едва ли уместается в двухнедельный срок, вплоть до старого Нового года, и, главное, всех устраивает. Теперь, когда в доме почувствуется запах согревшейся от мороза сосны, было бы не лишним помянуть добрым словом великого реформатора.

Другие реформаторы в лице доблестных большевиков пытались украсть этот чудесный праздник – они запретили устраивать елки, а празднование Нового года посчитали отжившим обычаем и буржуазной прихотью. Так, после революции новогодняя елка ушла в подполье и долго оставалась под печатью «вето». И все же смельчаки пытались вешать на запрещенную революционерами елку орехи в золотой и серебряной фольге, яблоки и самодельные игрушки.

Реабилитировали Новогоднюю елку только в 1935-ом году. Лесная красавица вернулась после долгих лет забвения и уже навсегда вошла в нашу жизнь вечнозеленым чудом и волшебной сказкой.

В детстве маленькая Анечка любила после своего дня рождения отрывать последние листочки настенного календаря в ожидании чуда. Это чудо дозировалось в течение месяца вспышками детского восторга.

Предновогодние чудеса начинались с яркой мишуры разворачивающихся новогодних ярмарок то в одном, то в другом магазине и заканчивались новогодними подарками с лакомствами в бумажных пакетах под елкой, которые родители получали на производстве для своих детей. Бумажные красочные пакеты были сродни сундукам с сокровищами. В нем было все, чтобы почувствовать себя самым счастливым ребенком на свете: разноцветное драже, карамельки со вкусом настоящего фруктового повидла, шоколадные конфеты, печенье, мандарин и яблоко. Возможно, профсоюзы и не догадываются, что именно они стояли у истоков прекрасной традиции отовечь новогодние подарки под елку.

– Алена, я не вижу праздничного заказа Деду Морозу, – Анна продолжала хорошие новогодние традиции, идущие с детства. Она всегда с огромной благодарностью вспоминала своих

родителей, которые подарили ей с сестрой прекрасное детство, зная, что только тот человек может быть счастлив во взрослой жизни, кто был счастлив в детстве.

– Мамочка, я думаю, наш умный Дед Мороз сам знает, что мне положить под елку.

– Дед Мороз, конечно, польщен таким доверием, но его фантазии в этом году исчерпались, и он хочет конкретно получить заказ.

– Хорошо, я подумаю.

Итог раздумий вылился в решение идти за подарками вместе. Шопинг иронично напоминал сюжет из фильма «Красотка», только без кофе, но с намеком на роскошь в пределах дозволенного. Глава семейства скромно стоял в стороне – в его обязанности входило критическое оценивание новоявленных образов и реагирование на попеременные вопросы жены и дочери:

– Ну, как?

В течение часа он уже устал отвечать на один и тот же вопрос, сложил руки в замок – и это означало, что пришла пора делать окончательный выбор, пока глава семьи в роли кошелька не потерял душевное равновесие.

Алена купила платье непонятного кроя, но очень стильное, очередные джинсы и тунику – все сдержанных тонов, не крикливое. Анна, верная своему стилю, выбрала трикотажный костюм неяркого желтого цвета с черным воротником и манжетами и свитер с палантинной такой же вязки, отвергая попытки молоденькой продавщицы навязать яркие декольтированные платья.

– У этой дамы есть деньги, но вкусы у нее начала прошлого века, – неосторожно громко поделилась она своим мнением с рядом стоящей девушкой.

Анна пошла наперекор своему твердому правилу не вмешиваться в разговор, нисходящий до уровня моветона.

– Милая девушка, а вы хорошо знаете о моде начала прошлого века? Было бы у меня больше времени или больше времени у моего мужа, я бы охотно поговорила с вами о модных тенденциях того времени. К счастью, я прекрасно выгляжу, – Анна пустила в ход запасы своего юда, – хотя и намного старше вас, но интересуюсь не только новинками моды, но и ее историей. Так что на будущее, примите мой ненавязчивый совет – выгоднее сначала думать, а потом высказывать свои мысли, особенно, если это касается профессионально-этической стороны вопроса, – Анна еще раз посмотрела на себя в зеркало, убедившись в своей неотразимости, вежливо поблагодарила и так же вежливо попрощалась.

– Мамочка, ты даже опускаешь людей интеллигентно, – заметила, довольная репликой матери, Алена.

– Люди сами себя ставят в такое положение, а я лишь высвечиваю глупость их поступков, не оскорбляя их человеческого достоинства. Беда большинства людей в том, что они занимаются делом, не зная его тонкостей, и не обращают внимания на нюансы и мелочи, а последние, чаще всего, и составляют суть. В данном случае форма общения с клиентом сильно отстает от содержания. На дизайнера помещения руководство магазина денег не пожалело. Товар завезли отличный, а с персоналом недоработочка вышла – здесь мы были первый и последний раз, – сказала Анна, погружая в машину пакеты с обновками, – а сейчас второе действие – едем за продуктами, вернее, папа нас завозит домой – у нас куча дел, а сам отправляется в «Амстор».

По-моему, я уже скупил пол-«Амстора», а вам все мало, – Олег сокрушенно разводил руками.

– Олежек, остался один список продуктов на салат «Оливье», – Анна заранее приготовила список и отдала его мужу, приготовившись отвечать на самые непредсказуемые вопросы.

Олег долго изучал записанные на листочке продукты.

– Слушайте, ну, вы даете! По-моему, этого набора продуктов достаточно для того, чтобы полностью накрыть новогодний стол, и даже не один, а вы хотите сделать только один салат, – Олег терпеливо зачитывал все ингредиенты, – курица, телячий язык, соленая семга, листья

салата, банка омаров, банка пикулей – это что еще такое? Соевая паста, свежие огурцы, банка каперсов – где вы такое отыскивали? Кошмар! Яйца, шампиньоны, оливки без косточек, французский уксус, оливковое масло и бутылка вина «Мадера». Мама дорогая! И это все один салат!

– Ты еще скажи спасибо, что я курицу написала тебе вместо рябчиков, а соленая семга заменит черную паюсную икру, которую сейчас нигде не найдешь. Омары пойдут в замену раковых шеек. Пикули – это всего лишь мелкие маринованные огурчики, а каперсы, засоленные зеленые шарики, – это нераспустившиеся бутоны колючего кустарника.

– Вот что я еще не ел, так это бутоны колючего кустарника. А зачем французский уксус, оливковое масло и вино? Вина я купил на целый гвардейский полк.

– Я сама буду готовить майонез. Суррогатный майонез из магазина непоправимо испортит тонкий вкус этого салата, – Анна хорошо выучила рецепт салата с его рекомендациями, – а мадера добавляется в бульон, где варится курица с шампиньонами и оливками.

– Мне это нравится хотя бы потому, что из полученного бульона я сварю себе любимую солянку, – вздохнул Олег и машина, прогревшись, тронулась.

Анна и Алена посмотрели друг на друга и улыбнулись, их идею реконструировать знаменитый новогодний салат поддержали. Анна много лет пыталась восстановить исчезнувший после революции салат, который в Советском Союзе получил советскую интерпретацию в виде соленых огурцов вместо каперсов, вареной морковки вместо раковых шеек и докторской колбасы вместо рябчиков и языка. Только Новый год мог позволить себе такую роскошь.

Постепенно квартира Молчановых превращалась в новогоднее царство. В центре гостиной заняла свое почетное место огромная пушистая сосна.

Новый год без елки, что день рождения без торта – придет, но не почувствуется. Олег выбирал лесную гостью, четко следуя устоявшимся стандартам, чтобы была самая высокая, самая пушистая, а главное, настоящая. Искусственные ели мило смотрелись в витринах магазинов, а в самих магазинах создавали праздничное настроение, которое пропорционально выливалось в количество закупаемых продуктов и товаров. Но в доме, по твердому убеждению Молчановых, должно быть только натуральное дерево, а не синтетическое. Анна когда-то провела удачную параллель между елью, настоящей и искусственной, и загаром, приобретенным на морском побережье и в солярии. Как говорится, почувствуйте разницу!

Елку обычно украшал Олег с Аленой. Каждый год запас елочных украшений пополнялся по инициативе Олега. Декорирование лесной красавицы подчинялось правилам сочетаемости цветовой гаммы: максимум два цвета украшений – давно бытует обидное для елки выражение в виде антикомплимента, мол, выглядишь, как новогодняя елка.

В наследство от детства Молчановым достались стеклянные советские игрушки, хрупкие и трогательные – их не использовали для украшения, а бережно хранили, как музейные экспонаты.

У каждой комнаты квартиры были свои новогодние приметы. В Алениной спальне люстра становилась своеобразным праздничным абажуром: по ее кругу Алена выделяла кружевные подвески из яркой мишуры. На компьютерном столе занимала свое место маленькая, но уже искусственная елочка с развешенными на ней миниатюрными конфетами. Такие же елочки стояли в каждой комнате. Анна ставила их в своей спальне на прикроватных тумбочках, чтобы каждое утро просыпаться в предчувствии праздника.

Алена который раз делала часы года. Большой картонный циферблат подразумевался годом, поделенным на двенадцать месяцев. В каждый из сегментов Алена наклеивала вырезанную по форме семейную фотографию, сделанную в определенный месяц. Стрелки, позаимствованные у старых часов, всегда показывали двенадцать часов, то есть завершение года. Семейный коллаж всякому входящему в дом говорил о том, что здесь живет дружная семья со своими выработанными правилами, приобретенными ценностями и устоявшимися традициями.

У Дениса на столе выходили в свет двенадцать фигурок нэцкэ, символизирующие двенадцать лет полного цикла по китайскому календарю. Фигурки устанавливались на столе по кругу, а достойное центральное место в кругу занимал именная год – в этом году им был тигр.

В гостиной на комодке так же, один раз в год, выстраивалась коллекция свечей новогодней тематики: Дед Мороз, Снегурочка, елочки разного формата и размера, ангелочки, лесные зверушки – получалась новогодняя феерия.

На кухне одна из стен становилась фруктовым садом. Новогодние игрушки в виде фруктов Анна развешивала над обеденным столом: яблоки, апельсины, виноград, клубнички, маленькие вишенки.

В каждой комнате на гардинные фалды развешивались блестящие гирлянды, начиная с прихожей, в которой начинался фейерверк играющих свою песню цветов новогодних звездочек.

Новый год – это праздник из детства. Мама Ани в ящик с новогодними игрушками складывала первые школьные тетради, рисунки, аппликации, гербарии, поделки из бумаги и пластилина, даже школьные принадлежности. В школьном пенале лежала деревянная ручка с пером, которой Аня писала в первом классе. Стараясь не нарушать цепочку, связывающую поколения детей, Анна, в свою очередь, припрятывала детские реликвии. Со временем набралась целая коробка, которую решено было передавать по наследству и каждый год нырять в нее, как в реку детства.

Когда заканчивался процесс декорирования квартиры, начинался непосредственный процесс подготовки к встрече Нового года.

Ни один день 31-го декабря не обходился без суеты.

– Алена, мы Тошу забыли нарядить. Где его праздничный бантик? Олег, лампочки, в гостиной на карнизе не горят! Проверь, пожалуйста! Мандарины так и не поставили на стол.

Анна оценивающе оглядывала накрытый стол:

– Как же красиво смотрится на праздничном столе сделанный мною новогодний венок! – Анна пыталась проконтролировать все и вся.

– Твой новогодний венок занял добрую половину стола, – Олег вынес свою оценку творению жены, – по-хорошему, больше ничего и не надо ставить на новогодний стол. Выпьем шампанского, заедем орешком, вплетенным в венок, найдем конфетку в хвойных иголочках и, пожалуй, хватит.

– Не оstri, я посмотрю, как ты будешь нюхать хвойные иголки, когда рядом будут стоять тарелки с твоими любимыми салатами и запеченным в соусе кроликом и...о, боже мой! – Анна схватилась за голову, – я совсем забыла о своем дневнике. Так, все завершаю, меня нет. Алена, остаешься за старшую.

– Мама, оставь свою затею, на часах без пятнадцати девять. Лиза позвонила, что уже вызвала такси, – Алена давно уже чувствовала себя способной верховодить в семье.

– Ничего, я успею. Пока она заедет за родителями, я смогу написать свою страничку, а может, и две успею. Не могу же я нарушить свою традицию: дневник веду с 1972-го года, второй век. Это же антология моей жизни, – Анна уже знала, что напишет в дневнике, знала, какой новый закон своей жизни она выведет в уходящем году, но даже не догадывалась и не предполагала, как тяжело будет соблюдать именно этот закон.

Алена театрально вздохнула:

– Ну, раз антология, тогда иди и пиши, а я пойду мыть мандарины и резать ананас. По моему, пора будить наших молодят. Им тоже надо принять посильное участие в подготовке празднования Нового года. Денис, Настя, все на свете проспите. Подъем!

Денис, потягиваясь, вышел из своей спальни. За ним показалась Настя.

– Отдохнули? – спросила Анна.

– За мной, на кухню, – скомандовала Алена.

Квартира превратилась в веселый шумный улей, когда зашли раскрасневшиеся от мороза родители и сестра с сыном в сопровождении выстрела хлопушки и яркого дождя конфетти. В шуме громких возгласов и поздравлений Анна не сразу услышала, как зазвенел телефон.

Звонок городского телефона, забытый и оживший, прозвучал, как выстрел из прошлого.

– Здравствуйте! – прозвучал на том конце незнакомый приятный женский голос.

– Здравствуйте! – ответила Анна.

– С Новым годом вас! – скованно продолжала женщина.

– И вас с Новым годом, но, извините, с кем я говорю, представьтесь, пожалуйста, – Анна облегчила ситуацию незнакомке.

– Меня зовут Светлана, вы меня извините, но я хотела бы поговорить с отцом, – видимо, набравшись смелости, выговорила женщина.

– Девушка, вы, вероятно, ошиблись номером, – ответила Анна, собираясь закончить разговор.

– Нет-нет, пожалуйста, не кладите трубку, я не ошиблась. Олег Леонидович Молчанов действительно мой отец, – девушка сказала это так четко, что Анна на какое-то время выпала из реальности. Она закрыла глаза, а затем быстро их открыла и сильно встряхнула головой, чтобы успеть вернуться в осознанное состояние и не грохнуться в обморок.

– Девушка, оригинальные у вас новогодние шутки. У Олега Леонидовича двое детей, сын и дочь, – Анна пыталась контролировать свои эмоции, но они начинали вырываться наружу, и ей это не нравилось.

– Послушайте меня, пожалуйста, еще хотя бы две минуты, Анна Андреевна, – у Анны по телу побежали мурашки – что-то все это выворачивалось не в ту сторону, – дело в том, что я приехала только на несколько дней из Петербурга. Моя мама – Войтенко Ирина Александровна, ваша школьная подруга. Она умерла десять дней назад. Анна Андреевна, мне ничего от вас не надо, у меня прекрасная семья и дети, но я вас очень прошу, разрешите мне встретиться с вашим мужем и моим отцом. Я давно хотела его увидеть, но мама не позволяла, вернее, она скрывала правду. Я вам перезвоню через пару дней. Извините за беспокойство, но я должна была это сделать.

В трубке послышались гудки. В этот момент они казались Анне ударом молота по голове. Анна медленно положила трубку на стол, когда Олег вышел из гостиной.

– С кем это ты так долго разговариваешь? – спросил он, но улыбка мгновенно исчезла с его лица, – ты чего такая бледная, Аня, что произошло?

– Звонила твоя дочь, – еле выговорила Анна, чувствуя страшную сухость во рту.

– Кто? – брезгливо нахмурился Олег.

– Твоя дочь, – тихо повторила Анна.

– Это шутка такая? Какая дочь? Что за бред? – было видно, что Олега начинает раздражать разговор.

– Я тоже сначала подумала, что это шутка, потом посчитала ее слова бредом, но все, как мне кажется, намного серьезнее. Эта девушка перезвонит, и она хочет с тобой встретиться.

– Хорошенькое начало Нового года! – с иронией в голосе произнес Олег.

– Вспоминай, дорогой мой, свои институтские вечеринки. Когда это ты успел с Ириной оказаться в постели на пятом курсе? – Анна поставила руки на пояс и приняла вид строгой учительницы – она начала отходить от шока, пронизавшего ее, как электрический ток.

Наверное, в результате беспамятного опьянения, – беспристрастная реакция Олега на скандальное сообщение ее несколько успокоила.

– Через столько лет проявляется твое темное прошлое, – Анна качала головой, но в самой голове творилось что-то невообразимое.

– Ну, раз ты начинаешь шутить по этому поводу, то значит, что дело не совсем серьезно, – Олег обнял Анну за талию с намерением вернуться в гостиную, но Анна не сдвинулась с места.

– Нет, я как раз думаю, что дело совершенно серьезно оборачивается. Одно радует, про-сти, Господи, не надо платить алименты. Она сама уже мать, эта твоя дочь, так что ты уже и дедом сегодня успел стать. За это стоит выпить. Кстати, надо и Иру Войтенко помянуть. Она умерла десять дней назад.

– Ира умерла?

Да. Последнее время наша с ней связь совсем оборвалась, вернее, она оборвалась еще с того момента, как она отказалась в последний момент быть дружкой на нашей свадьбе, так толком и не объяснив истинной причины своего отказа. А вы с ней в одном институте учились, позволю напомнить. Но я бы никогда не подумала, что Ира...

– Вот и не думай.

– Уговорил, сегодня я об этом не буду думать. Я об этом подумаю завтра.

– Хорошо, моя Скарлетт. Об этом мы будем думать завтра вместе, если вообще об этом стоит думать.

– Мама, папа, мы вас ждем, – Аленка выскочила в прихожую с бокалом шампанского, – главный волшебный тост не озвучен.

– А какой у нас главный волшебный тост?

– Как какой? Самый, что ни на есть новогодний! Тост за чудеса и подарки, которые при-нес Дед Мороз и которые поблескивают в праздничных упаковках под елкой!

Когда все дружно бросились под елку за подарками, Анна быстро взяла фотоаппарат – и получился забавный снимок, который позже она поместила на свой сайт в «Одноклассниках» и подписала «Новогодние попы и стопы».

XII

День первого января складывался, по сути, из одного вечера. Как правило, поздним утром кто-то из семьи просыпался, когда остальные были еще в царстве Морфея, быстро что-то завтракал и снова укладывался догонять недосмотренные сновидения. Вечером приходило сознание того, что наконец-то все выпались, и начинался новый день, который уже и заканчивался, плавно переходя в вечер.

Анна проснулась с непонятным чувством: надо бы расстроиться, ведь ночной звонок как-то нарушал нормальное течение семейной жизни. Но с другой стороны, посмотрев на спящего мужа, не хотелось устраивать ни скандалов, ни женских истерик и разбирательств на предмет верности и измен. Олег безмятежно посапывал, как ребенок, такой домашний, такой родной. Анна пыталась найти в его лице хоть какую-то порочную ниточку – не получалось. Она знала о нем все, знала, чем дышит каждая клеточка его организма. Она замечала, когда и после чего появлялись на его лице морщинки. Она знала, где на его лице прячется тень усталости – темные круги под глазами, а где сделала свои отметины радость – тонкие лучики в уголках глаз. Не менялись на лице Олега следы мужественности, свойственные настоящим мужчинам, готовым в любую минуту взять на себя все тяготы жизни и обеспечить достойным образом жизнь и благосостояние своей семьи. Все это никак не связывалось в единое целое.

Более того, вся развернувшаяся история начинала увлекать Анну, за что она то сердилась на себя за легкомысленное отношение к серьезным вещам, то чувствовала себя героиней какого-то мыльного сериала.

Может быть, это розыгрыш? Кто-то из знакомых, болезненно реагирующих на удачно складывающуюся жизнь их семьи, решил пощекотать им нервы? Но кто знал о судьбе Ирины, когда сама Анна была в неведении? А может, это все-таки правда? Тогда почему, когда ребенок рос и нуждался в заботе или помощи отца, Ирина молчала, и лишь через столько лет все выяснилось?

– О чем думает моя зайка? – Олег прервал ее размышления. Он проснулся и выглядел хорошо отдохнувшим, что ему не всегда удавалось сделать из-за напряженного графика работы.

– Я думаю о твоей дочери, – пыталась кокетливо съязвить Анна.

– Насколько мне известно, дочь у нас общая, – сказал Олег, беззаботно потягиваясь и совершенно игнорируя язвительный тон жены, – Анечка, давай мы сейчас не будем фантазировать. Я встречу с этой женщиной, и мы проясним ситуацию.

– А почему ты уверен, что ситуация так легко прояснится? – продолжала Анна в своем духе.

Олег призадумался, а потом шепотом сказал:

– Ты знаешь, я так хочу чаю с медовичком.

– Как всегда, когда речь заходит о серьезных вещах, ты становишься таким несерьезным, – игриво фыркнула Анна.

– Давай будем решать проблемы по мере их поступления, – Олег снова потянулся и опустил ноги на пол, собираясь встать с постели, – скоро мы все расставим на свои места.

– Ты точно с Ириной не спал? – спросила Анна и оценила свой вопрос на десять баллов по шкале глупости. Да, сейчас он скажет: «Прости, милая, было дело, но прошло».

– Ты знаешь, в чем прелесть твоего вопроса? – неожиданноотреагировал Олег, – если я скажу, что спал, то это, мягко говоря, тебе не понравится, а если я сейчас начну клясться тебе в верности, то ты мне все равно не поверишь. Выбирай ответ сама, что тебя больше устраивает?

Анна подползла сзади к мужу и обняла его за плечи. Стоило ей на секунду представить любимого человека с другой женщиной, как вулканом взорвались чувства собственницы. Анне

в тот же миг захотелось объект собственности подчинить своим желаниям. Но сам объект сильно не сопротивлялся, он и так все понял. Олег повернулся к Анне, нежно ее поцеловал, а затем пошел закрыть дверь спальни...

На кухне хозяйничали Алена с Настей. Они давно стали подружками, хотя во время учебы в одном институте не общались – учились на разных факультетах. Как прилежная студентка, Настя хранила свои конспекты и отчеты по практикам, а по окончании института что-то из этого багажа удачно перекочевало к Алене. У них оказались общими вкусы и литературные пристрастия. В одежде предпочитали простоту и удобство – Денис иногда покупал им совершенно одинаковые вещи. Даже фигурой они походили одна на другую: обе стройные и спортивные.

Алена не пользовалась преимуществом дочери семейства, она давала возможность жене брата быть на равных. Она не командовала, не давала указаний и даже старалась передавать Насте инициативу в ее руки, чтобы та чувствовала себя, как дома. В этом дочь полностью копировала свою мать. Настя быстро вошла в семью. Ей было комфортно в этом доме. Когда Настя впервые побывала в доме Молчановых, Анне было этого достаточно, чтобы сделать далеко идущее заключение и поделиться им с Аленой:

– Настя будет наша.

Хрупкая девушка без намека на замужнюю даму не походила на современных избалованных девиц. Природные светлые волосы, такие же светлые брови и ресницы не делали ее внешность броской, но удачный макияж превращал золушку в принцессу, хотя косметикой она пользовалась в редких случаях. Но большую часть природной красоты Бог вложил в ее внутреннее содержание. Ее завидная работоспособность, редкая целеустремленность, не свойственная столь юному возрасту, и в то же время какая-то женская беззащитность делали эту девушку предметом огромного уважения и любви.

Свои жизненные приоритеты Настя расставляла в порядке требований, устанавливаемых жестким ритмом сегодняшнего времени – сначала карьера, потом личная жизнь. Она закончила с золотой медалью школу, затем так же успешно, с отличием, институт и сразу поступила в аспирантуру. Когда большая часть ее амбициозных планов была реализована, она уступила настойчивому желанию Дениса, и они поженились. Через полгода Настя готовилась защищать диссертацию, но забеременела – подвела контрацепция. Эта новость повергла ее в шок: беременность в ее планы не входила, и поэтому она приняла быстрое решение – делать аборт, что повергло в шок уже Дениса. Он очень хотел ребенка.

Впервые Настя и Денис не могли найти точек соприкосновения, они постоянно спорили, выдвигая каждый свои аргументы. Когда у Дениса истощились и аргументы, и терпение, он понял, что дальнейшая борьба может привести к серьезным последствиям, и решил на то, чтобы сказать:

– Хорошо, ты можешь идти делать аборт хоть завтра, но помни, что я был категорически против. Настя, последствия могут быть самые непредсказуемые, но даже в этом случае я не снимаю с себя за них ответственность.

Настя поняла, что Денис говорит словами матери, хотя Анна ни разу не вмешалась в их молодые семейные дела. Она только спросила:

– Ты о чем?

Ты взрослая девочка и сама знаешь об опасности первого аборта.

Сама Настя своей маме ничего о беременности и о своем решении ее прервать не говорила, но Денис, почувствовав свое бессилие перед упрямством жены, решил рассказать все Анне.

В тот вечер Настя почувствовала какое-то облегчение, причину которого понять она не могла, но одно было совершенно очевидно – страсти улеглись, и уже ничего не надо было доказывать. Эмоции, достигшие точки кипения, превратились в пар и растворились.

Настя села за письменный стол, взяла чистый лист бумаги и спокойно начала расписывать сроки важнейших событий будущего года: сроки предполагаемой защиты и сроки предполагаемых родов. Защита планировалась на начало июня, а роды, по ее подсчетам, – на конец августа или начало сентября. Автореферат был практически завершен. На последней консультации научный руководитель сделал ей серьезные замечания в конечных выводах, не понравился ему список литературы. Он обратил внимание на техническое оформление, но в основном остался доволен.

Утром следующего дня Денис ушел, не попрощавшись и не поцеловав Настю. Время для него казалось вечностью. Когда он звонил Насте, сердце стучало так, что ему казалось, будто все вокруг слышат его биение.

– Привет! Как дела? Ты где? – только на эти короткие фразы и хватало у него сил.

– Я в больнице, – тихо ответила Настя.

– И что?

– Все. Я стала на учет, и буду наблюдаться у гинеколога всю беременность.

Денис с Анной победили – так сын и сказал маме, когда позвонил и поздравил с тем, что скоро она станет бабушкой.

Анна полюбила Настю и старалась заботиться о ней, как о своей дочери. По этому поводу она говорила: «Как можно не любить того, кто полюбил твоего ребенка? Только за это я буду считать ее членом своей семьи».

– Так, девчата, а не остался ли у нас французский салатик? – на кухню зашел Олег, потирая ладони в ожидании чего-то приятного, – не ел ничего с прошлого года, а сил уже столько потратил.

Он искоса посмотрел на вошедшую за ним Анну, которая резко сомкнула губы и с напускной строгостью показала мужу кулак.

– Папочка, салат Люсьена Оливье, между прочим, французы называют русским, – ответила Алена, демонстрируя свои глубокие знания из истории салата.

– Это как? – не понял Олег.

– Французский повар, между прочим, работал в России еще до революции. В московском ресторане «Эрмитаж» он и сотворил сей кулинарный шедевр.

– Ладно, я согласен на русский салат французского происхождения. Аленушка, поставь чайник, очень горячего чаю хочется с твоим тортиком.

После ужина Алена убежала на свидание с Ильей, Олег устроился в гостиной у телевизора, Денис еще спал – отсыпался в родительском доме. На кухне остались Анна с Настей.

– Анна Андреевна, – обратилась Настя к Анне, вы, пожалуйста, маме не говорите ничего, она очень расстроится.

– У меня нет на это морального права. Вы взрослые люди, и сами должны принимать решение. Твое решение меня очень обрадовало, кстати, сейчас самое время рассказать тебе одну интересную историю, вернее, не историю, а сон, – Анна взяла в руки кухонное полотенце и начала натирать хрустальные фужеры.

– Несколько лет назад у меня случилась задержка, я подождала какое-то время и уже твердо решила идти в больницу за направлением на аборт. О родах вопрос не стоял – дети были взрослые, да и возраст соответствующий. Ночью мне снится удивительный сон. Я нахожусь в прекрасном саду, и в этом саду две беседки. В дальней беседке сидит мальчик, светленький такой, хорошенький. Он улыбается и смотрит на меня. Через какое-то время я понимаю, что он очень похож на Денюку. Денис в детстве действительно был светловолосым, как, собственно, и я. Затем мой взгляд перемещается в другую беседку. И что ты думаешь? В этой беседке сидят на скамеечке две девочки в длинных расшитых сарафанах и белых рубашках. Длинные косы лежат на груди – просто сказочные Аленушки. Я смотрю на эту картину – и что-то муторное в груди происходит. От этого я и просыпаюсь. Долго разгадывать этот сон не

пришлось. За всю супружескую жизнь я сделала три аборта, лет до тридцати, вот и приснились мне мои нерожденные дети. Представляешь! И как приснились! На что способен наш мозг! – Анна замолчала, призадумавшись.

– И чем все это закончилось? – нетерпеливо спросила Настя.

– Все, к счастью, обошлось. В больницу идти даже не пришлось, оказалось, была просто задержка. Говорят, Бог разговаривает с нами мыслями, которые приходят к нам в голову, как ответ на наши жизненные тупиковые вопросы, или ответ посылает в наших снах. А я ведь об этом никогда не задумывалась.

– О чем?

– О грехах наших женских. Так что, Настенька, такие вот дела, – засмеялась Анна, – будем ждать внука или внучку.

XIII

Светлана позвонила вечером второго января. До этого Анна постаралась абстрагироваться от этой темы, но казаться расслабленной и не показывать вида получилось у нее только внешне. В душе тяжелым шлейфом носились за ней и преследовали беспокойные мысли. Надежда на то, что это была новогодняя шутка, не оправдалась. Тени из прошлого без спроса и разрешения вползали в настоящее. Единственное, что радовало Анну в данной ситуации, она не чувствовала паники в душе, а это был, по опыту, хороший признак.

Олег спокойно поговорил со Светланой, в деловом, но мягком тоне, голос не дрогнул, ни одна мышца лица не дернулись. Он взял инициативу в свои руки и пригласил новоявленную дочь в небольшой, но изысканный ресторан «Корнелия», где они с Анной никогда не были.

У Анны быстро созрел свой сценарий. Теперь она побудет в роли мисс Марпл, не зря же она столько перечитала в свое время книг Агаты Кристи в оригинале. Ей нужно самой разобраться в происходящем.

Чашка горячего чаю, черный шоколад и мигающие огни на елке в окутывающей тишине зимней ночи – самое время для раскопок картинок из памяти. Анна сидела в гостиной, когда все уже уснуло, и вспоминала.

Весной 1975-го года, в тот год, когда Олег впервые подарил Анне желтые тюльпаны, они с Ириной часто гуляли по проспекту, по которому Олег возвращался с занятий в автошколе. Он решил получить права на вождение автомобиля вместе с аттестатом зрелости. В тот год еще на зимних каникулах Олег осмелился проводить Анну с городского катка.

Они давно знали друг друга. Их родители дружили семьями, но сами они общались на уровне «привет-привет» и до определенного момента глубокого взаимного интереса друг к другу не проявляли. Таким моментом стал интересный случай.

Сейчас редко устраиваются ужины типа «давайте поужинаем сегодня у нас», а в прошлом веке это было запросто, без комплексов и условностей.

Стояла солнечная осень, в тот теплый субботний вечер ужинали на кухне у Вербенных. Обеденный стол стоял у самого подоконника. Детей Молчановых за столом не было, но Аня с сестрой ужинали со взрослыми. Громкий выкрик своего имени услышала не только Анна, все замолчали и прислушались, но эту картину нужно было видеть дальше – действие разворачивалось, как в фильме.

В открытую форточку влетел букет роз и упал прямо в центр накрытого стола. Стебли цветов аккуратно подрезаны – все было, вероятно, спланировано для точного планирования цветов в полете. В перевязанной ленточке спряталась записка отправителя. От неожиданности юная Аня залилась густым румянцем.

– Вот это да! – воскликнула мама Олега, – как романтично!

Отец Олега отреагировал на поступок неизвестного Дон-Жуана по-мужски, более прагматично. Придя домой, в тот же вечер он сказал Олегу, сидящему за письменным столом:

– Ты чего ждешь? Рядом такая девушка, ей ребята цветы в окна бросают, а ты сидишь. Действовать надо.

– Только тогда я начал обращать на тебя внимание, и ты сильно запала в душу, – позднее признался Олег.

Анна не решалась рассказать подруге о новых чувствах, прятала их, боялась их афишировать, но первую любовь, такую светлую и будоражащую, в себе не удержишь. Вот если бы и Ирина влюбилась, думала Анна, тогда легче было бы открыться, а так как-то нечестно, ведь подруги, у меня есть парень, а у нее нет, а Олегом не поделишься.

Вечерами они как бы случайно встречались с Олегом, гуляли втроем, им было весело проводить время, а когда провожали домой Ирину, тогда они оставались вдвоем, и все было

впервые – первые несмелые объятия, первые неумелые, но такие желанные, поцелуи, первые совместные планы.

Однажды, в конце июля, перед самым отъездом на вступительные экзамены в университет, Олег пригласил девушек к себе, чтобы угостить фруктами из своего сада. Анна была не редкой гостьей Молчановых, а Ирина попала во двор дома Олега впервые. Она с восхищением оглядывалась по сторонам: большой ухоженный двор, уютная беседка, обвитая виноградом, плетеное кресло-качалка и огромный цветник.

В свете яркой луны цветник приобретал сказочное свойство. Даже в сплошной темноте трудно было ошибиться с местом нахождения. В воздухе невидимым облаком стоял смешанный аромат летних цветов. Прохладе июльской ночи розы и белые лилии отдавали свои запахи более проникновенно, чем жаркому дню. Другим цветам не под силу было конкурировать с величественными соседками, лишь ночные фиалки чувствовали себя хозяйками положения, и присутствие роз и лилий их не смущало – они дышали в полную силу.

Олег оставил девушек и скрылся. Он вернулся с садовыми ножницами и сразу направился в цветник, срезал две розы. Первый цветок он преподнес Ирине, а вторую розу отдал Анне. Пока он нес цветы, Анна в мыслях просила его уделить внимание подруге первой и благодарно улыбнулась ему, когда он подошел с розой к Ирине.

Тихая летняя ночь, переливчатая песня сверчка, медовый запах кремовых роз, сладость сочных краснобоких яблок – и все это в оправе юности и влюбленности. Таким запомнился тот вечер не только Анне.

Олег поступил в университет на юридический факультет. Аня с Ирой учились в девятом классе, а потом в десятом, но продолжали гулять втроем, когда на праздники и каникулы Олег приезжал домой. После выпускных экзаменов подруги поехали вместе поступать в город, где учился Олег. Анна поступила в педагогический институт, а Ирина – в университет, где учился Олег.

Треугольник сохранился, но что это был любовный треугольник, ни Олег, ни Анна не догадывались.

После защиты дипломного проекта Ирина сразу уехала в другой город по распределению и приступила к работе. Она отказалась быть дружкой у них на свадьбе. Анна посчитала причину уважительной, сейчас она уже ее не помнила, но тогда не придавала этому особого значения – институтская сокурсница с удовольствием согласилась быть подружкой невесты.

Позже, в письмах, когда жизнь разделила их компанию на два и один и разбросала по стране, Ирина постоянно извинялась и подчеркивала, что любит и Анну, и Олега одинаково сильно, что Анна воспринимала, как само собой разумеющийся факт. Время от времени они встречались, но эти встречи происходили в городе их детства: или на встречах с выпускниками, или в гостях у родителей. К себе в гости Ирина не звала, на постоянные приглашения Анны всегда находила какие-то основания, чтобы отказаться. Замуж Ирина так и не вышла, но родила ребенка и сама его воспитывала.

Анна не заметила, как съела почти плитку шоколада и ужаснулась, не то количеству поглощенных калорий, не то сделанным с опозданием в тридцать лет неутешительным выводам, и скорее всего, тому и другому вместе. Анну бросило в жар: Светлана теоретически может быть дочерью Олега, а практически? Это предстоит выяснить не позднее, чем завтра.

День тянулся целую вечность. За полчаса до назначенной встречи Анна вошла в ресторан. Ресторан был не из ряда дешевых и производил впечатление очень приличного заведения. Анна поздоровалась с барменом, стоящим за стойкой, беглым взглядом оценила обстановку и легким движением изящно приподнятой руки с подчеркнутой стальной вежливостью указала на столик. Столик прятался за елкой, и весь зал ресторана с расположенными по пространству зелеными деревьями, по чьей-то удачной задумке, напоминал зимний праздничный лес.

Первый вопрос Анна мысленно адресовала Олегу: «Почему меня в это миленькое местечко не звали?». Но дальнейший ход мыслей Анны прервали вопросом извне:

– Добрый вечер! Что будем заказывать? – перед ней предстал официант в черной маске.

– Для начала, мистер Икс, с наступившим вас Новым годом, – воинственному настроению Анны не удалось взять верх над ее реальной учтивостью.

– И вас с Новым годом, леди! – молодой человек положил перед Анной красочную новогоднюю открытку.

– Благодарю вас. Мне, пожалуйста, кофе с ликером и ананас, – и добавила, – это для начала.

– Я уверен, вы у нас задержитесь, – с поклоном удалился молодой человек.

Никто ни в чем не может быть уверен – подумала Анна и заглянула в открытку: «Зеленая лесная красавица вошла в наши дома и принесла с собой сказку, теперь все жизненные неприятности растают, как легкие белые снежинки. В Новый год позовите с собой удачу, пригласите в дом благополучие и покой, закажите бодрость и здоровье, загляните в детство и улыбнитесь друг другу, откройте дверь любви, а она подарит тепло и надежду на то, что все у вас будет хорошо!».

«Откройте дверь любви, а она подарит тепло и надежду, что все у вас будет хорошо, – повторила Анна последние слова поздравления, – да, здесь все со вкусом – и форма, и содержание». Она еще раз прошлась глазами по залу и огляделась вокруг.

Принесли кофе и кубики ананаса, выложенные горкой и украшенные листочками мяты. Кофе она заказала без сахара, но на отдельном блюде предусмотрительно лежали две тонкие палочки шоколада.

Анна тихо радовалась, что уровень адреналина не превышал уровень внутреннего спокойствия, но она готова была провалиться сквозь землю, когда вошли Олег со Светланой. Конспирация не удалась – Олег сразу заметил жену и выразил легкое недоумение. Анна чувствовала себя ученицей на экзамене, которую поймали со шпаргалкой.

Олег проводил Светлану в гардероб. Элегантная белая шуба из стриженного бобра плавно съехала с плеч молодой женщины в руки Олега.

Светлана скрылась в дамской комнате. Гардеробщица и Анна внимательно наблюдали за парой. Анне, как истинной женщине, достаточно было одного взгляда, чтобы оценить внешние достоинства Светланы. Прямые длинные волосы, слегка собранные сзади с намеком на мальвину, умеренный дневной макияж, строгое платье из дорогой светлой ткани, которое на удивление стильно смотрелось в рамках холодной зимы, из украшений – одно обручальное кольцо. Сапоги и сумка, в унисон верху, делали завершенной картинку восприятия. Первый пункт светской грамоты, который учит при первой встрече не щеголять нарядами и не бравировать острословием, похоже, Светлана усвоила отлично.

Олег отодвинул стул, и Светлана кротко присела. Она моментально выпрямила спину, положила руки на колени, потом резко перенесла их на стол. Длинные пальцы то скрещивались, то веером расходились по скатерти. Они сидели напротив друг друга и ощущали себя на разных полюсах своего маленького мира – она, скованная молодая женщина, попавшая в пикантную ситуацию, и он, зрелый, уверенный в себе, мужчина, осознающий силу возраста, денег и своего положения.

Анна впервые наблюдала за мужем в его разговоре с незнакомой женщиной со стороны. Как посторонней наблюдательнице, он ей очень нравился. Возраст Олега выдавала только седина. Во всем остальном он не уступал своим годам и дал бы фору любому молодому парню. Густые волосы с пробором, аккуратно зачесанные назад, блестящие, с лукавинкой, серо-зеленые глаза, улыбка, укрывшаяся в уголках губ и подкупающая предупредительность движений.

Олег галантно ухаживал за Светланой, его мягкая снисходительность к нестандартному положению молодой женщины вызывала уважение. Он взял на себя ответственность за ситуацию, на правах старшего начал нелегкий разговор, держал его и не допускал щекотливых пауз.

Светлана односложно отвечала на вопросы Олега, кивала головой, иногда пыталась улыбнуться, но улыбка быстро исчезала с лица, как бы считая себя неуместной. В ее руках бумажная салфетка начала складываться в треугольники, но когда треугольники закончились, на какое-то время она замешкалась, а затем быстро и незаметно отправила скомканную салфетку в сумочку.

Треугольник повторяется – подумала Анна – только состав участников несколько поменялся.

Впервые в жизни Анне захотелось закурить. Нет, лучше выпить – и обязательно коньяку. Она подозвала официанта и заказала пятьдесят граммов коньяку. Коньяк принесли, но он остался нетронутым.

Анна пыталась найти в лице Светланы какие-то черты, родственные Олегу. Задача оказалась нелегкой. Она не находила ничего общего, но это не приносило ей облегчения – она просто не могла сконцентрироваться.

Анна внимательно следила, как менялось выражение лица молодой женщины, странный звонок которой в новогоднюю ночь, нарушил их семейный покой.

Светлана отпила немного вина, потом еще немного, и ее напряженность сменилась некоторой заинтересованностью во взгляде. Анна заметила, что теперь Светлана внимательно, без тени смущения, вглядывалась в Олега, особенно в те моменты, когда Олег отвлекался на разговор с официантом.

Анна чувствовала трансформацию своего сознания – как будто в ее теле другой человек, такого с ней никогда не происходило. Все осталось в прошлой жизни – сейчас поглощающие эмоции свернулись в один клубок. В ее груди что-то щелкнуло, и горячая тревога разливалась по телу, заполняя собой каждый сосуд, каждую клеточку организма. Теперь эта молодая женщина смотрела на Олега, как на заинтересовавшего ее мужчину. На кончиках век обозначились кокетливые черточки. Улыбка стала более смелой, иногда переходила в легкий грудной смех.

Светлана очень умело сдерживала свой интерес от Олега, но разве от другой женщины это можно скрыть.

«Какая же она красивая, – думала Анна, – в нее можно влюбиться с первого взгляда, как хорошо, что она его дочь. Господи, ну я просто ненормальная, какая дочь? А если не дочь, то ею можно серьезно увлечься. Можно сойти от всего этого с ума!».

– Извините, у вас все в порядке? – осторожный голос официанта вернул Анну из параллельного мира в мир реальный.

– Да, спасибо, у меня деловой телефонный разговор отнял много времени, – ответила Анна и мысленно себя спросила, а зачем соврала, ведь ни с кем не разговаривала.

Олег и Светлана вышли из-за стола и подошли к гардеробу. Олег помог даме одеться, вызвал по телефону такси. Когда они выходили из ресторана, Олег нашел возможность взглянуть на жену, но этот взгляд прошел сквозь Анну, и она не успела его уловить.

Она осталась одна, хотя количество посетителей значительно увеличилось. Анна сделала глубокий вздох, как будто ей не хватало воздуха. Она сидела неподвижно, пока не глянула в окно. Темнота сгустилась, разыгралась январская метель – природа была на стороне Анны, она точь-в-точь копировала ее внутреннее состояние. Мысли Анны кружились вьюгой, в то время, когда ее рука потянулась к рюмке с коньяком. Анна мгновенно опустошила рюмку. В другое время она бы спокойно взяла коньячную рюмку в руку, подогрела бы ладонью, слегка покачивая кистью, посмотрела бы, как на стенках рюмки остаются волны напитка, оценила бы букет, а затем сделала бы несколько глотков.

– Ну что, наигралась в Штирлица? – Анна вздрогнула и резко повернула голову. Перед ней стоял Олег, такой близкий и родной. Он нежно обнял жену, отчего у нее по телу серой мышью пробежала сильная дрожь.

– Ты вернулся? – тихо произнесла Анна. Она не поняла – или спросила, или облегченно вздохнула и почувствовала, как опустились ее плечи, и она обмякла. Олег и коньяк развязали толстую веревку напряжения, которая держала Анну связанной столько времени.

Она положила свою руку на его пальцы, потом сильно сжала их и сказала:

– Ну что? Ты мне скажешь что-то новое?

Олег по-доброму улыбнулся жене, которая выглядела испуганной и потерянной.

– Я тебя очень люблю. Это звучит по-новому?

Глаза Анны умоляли получить ответ.

– Я могу тебе сказать только одно – живи спокойно и не бери лишнего в голову. Эта запутанная история осталась в прошлом, и к нам она сейчас не имеет никакого отношения.

– Я тебя никому не отдам, даже твоей, неизвестно откуда, свалившейся дочери.

– А никто меня и не отбирает у тебя. Светлана очень умная и интеллигентная женщина. Она подтвердила свои слова и сказала, что это наша первая и единственная встреча. У нее прекрасная семья – муж и двое сыновей. Она живет в Петербурге, через неделю уезжает домой, у нее билет на руках. До Рождества планирует навестить родственников и близких знакомых, – Олег как бы отчитался о проделанной за вечер работе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.